

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
Французов
ручей

PREMIUM

Азбука Premium

Дафна Дюморье
Французов ручей

«Азбука-Аттикус»

1941

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дюморье Д.

Французов ручей / Д. Дюморье — «Азбука-Аттикус»,
1941 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-11953-6

Дона, безрассудная леди Сент-Колам, в порыве отвращения к светской жизни, которую она ведет в Лондоне, отправляется в Нэврон, уединенное поместье на побережье Корнуолла, принадлежавшее ее мужу. Там она обнаруживает, что их дом стал тайным убежищем французского пирата, наводящего ужас на всю округу. Однако встреча с ним меняет представления леди Сент-Колам о морских разбойниках. Вместо кровожадного головореза с командой отпетых негодяев перед ней оказывается ироничный, смелый, образованный и очень обаятельный человек – тот, которого она ждала всю жизнь... Романтическая история любви соединяется с захватывающим авантюрным сюжетом на фоне таинственных пейзажей Корнуолла минувших времен. Роман «Французов ручей» вышел в свет в 1941 году и через три года был экранизирован. В главной роли снялась Джоан Фонтейн, знаменитая исполнительница роли Ребекки, другой героини Дафны Дюморье, в одноименном фильме Альфреда Хичкока.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11953-6

© Дюморье Д., 1941
© Азбука-Аттикус, 1941

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	19
5	25
6	29
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дафна Дюморье Французов ручей

Daphne du Maurier
FRENCHMAN'S CREEK

© Г. Н. Клепцына, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

1

Когда с моря вдоль Хелфорда дует восточный ветер, сияющие воды реки мутнеют и покрываются рябью, а у песчаного берега вскипают мелкие сердитые буруны. Невысокие волны захлестывают отмели даже во время отлива; болотные птицы с шумом поднимаются в воздух и, перекликаясь на лету, движутся к илистым верховьям. И только чайки с криками носятся над водой, то и дело ныряя вниз в поисках корма, и их серые перья искрятся от соленых брызг.

Тяжелые валы бегут по проливу, огибая мыс Лизард, и с силой врываются в устье реки; мутный поток, смешанный с прибоем и донными морскими водами, раздувшийся от недавних дождей и почерневший от ила, мчится вперед, унося с собой сухие ветки, соломинки, скопившийся за зиму мусор, листья, слишком рано опавшие с деревьев, мертвых птенцов и лепестки цветов.

Пусто на рейде в эту пору – восточный ветер не дает кораблям удержаться на якоре, и, если бы не домики, притулившиеся у Хелфордской переправы, да не коттеджи, разбросанные там и сям у Порт-Наваса, река выглядела бы точь-в-точь так же, как в незапамятные, давно минувшие времена.

Ничто не нарушало тогда величия этих холмов и долин, ни одна постройка не оскверняла пустынные поля и дикие скалы, ни одна труба не виднелась над высокими кронами леса. Ближайшая деревушка, тоже носившая название Хелфорд и состоявшая всего из нескольких домиков, совершенно не влияла на жизнь реки, отданной в полное распоряжение птиц: кроншнепов, травников, кайр и тупиков. Ни одно судно не осмеливалось заплывать выше по течению, и поверхность тихой заводи, образовавшейся невдалеке от Константайна и Гвика, оставалась всегда спокойной и гладкой.

Мало кто знал в те дни об этой реке, разве что моряки, находившие здесь приют, когда юго-западные ветры выносили их из пролива и прибывали к берегу; места эти казались им чересчур суровыми и неприветливыми, пугали их своей тишиной, и, как только ветер менял направление, они не мешкая поднимали паруса и выходили в открытое море. В деревню они почти не заглядывали, считая ее жителей глуповатыми и замкнутыми, а бродить по лесам и шлепать, словно болотные птицы, по грязи этим людям, истосковавшимся по домашнему теплу и женской ласке, было и вовсе ни к чему. Так и бежал Хелфорд, никому неведомый, никем не признанный, среди лесов и холмов, по которым никогда не ступала нога человека, храня ото всех свое колдовское очарование и дремотную летнюю красоту.

Зато теперь... Каких только звуков не услышишь теперь на его берегах! Оставляя позади пенный след, снуют по воде прогулочные катера; непрерывно мелькают яхты; вялые, пресыщенные туристы, разомлевшие от окружающих красот, прочесывают отмели, вооружившись сачком для ловли креветок. Кое-кто, усевшись в пыхтящий автомобильчик, едет по скользкой, тряской, неровной дороге до деревни и, круто свернув в конце направо, выходит у старинной постройки, принадлежавшей некогда усадьбе Нэврон, а теперь занимаемой семьей фермера. Следы былого великолепия сохранились здесь и поныне: в конце загона видны остатки усадебного двора, а у новенького сарая, подпирая его рифленую крышу, стоят две увитые плющом и поросшие лишайником колонны, в свое время, видимо, украшавшие парадный вход.

Кухня с каменным полом, куда турист заходит, чтобы выпить чашку чаю, составляла когда-то часть обеденного зала, а лестничный пролет, заложенный кирпичом, некогда вел на галерею. Прочие детали усадьбы были, наверное, снесены, а может быть, разрушились сами собой. Так или иначе, прямоугольное здание фермы, хотя и приятное на вид, мало чем напоминает прежний, запечатленный на старинных гравюрах Нэврон, построенный в форме буквы Е. Что касается сада и парка – их, конечно, давно нет и в помине.

Расправившись с чаем и десертом, турист благодушно поглядывает по сторонам, даже не подозревая о женщине, которая много лет назад, в такую же летнюю пору, стояла на этом месте и так же, как он, запрокинув голову и подставив лицо солнцу, любовалась блеском воды за деревьями.

Отзвуки былых времен не долетают до туриста, заглушенные привычным шумом деревенского двора: звяканьем ведер, мычанием коров, грубыми голосами фермера и его сына, окликающих друг друга издали; он не слышит тихого свиста, доносящегося из темной чаши, не видит человека, который стоит у кромки леса, поднеся руки ко рту, и второго, осторожно крадущегося вдоль стены спящего дома, не видит, как наверху распаивается окно и Дона, наклонившись вперед и не поправляя упавших на лицо локонов, пристально вглядывается в темноту, тихонько постукивая пальцами по подоконнику.

Все так же несет свои воды река, все так же шелестят под теплым ветерком деревья, сорочаи все так же роются в иле, выискивая корм, протяжно кричат кроншнепы, и только люди, жившие в те далекие времена, давно уже покоятся в земле – имена их забылись, надгробные плиты заросли лишайником, надписи на них стерлись.

Крыльцо, на котором когда-то ровно в полночь, улыбаясь в тусклом мерцании свечей и сжимая в руке шпагу, стоял человек, развалилось под копытами домашних животных.

Вздвухаясь от нескончаемых зимних дождей река кажется унылой и неприглядной, когда фермерские дети бродят весной по ее берегам и собирают первоцвет и подснежники, разгребая тяжелыми от грязи сапогами сухой валежник и прошлогодние листья.

И хотя деревья по-прежнему дружной гурьбой сбегают к воде, а мох все так же сочно зеленеет у пристани, где Дона некогда разводила костер и, глядя поверх языков пламени, улыбалась своему возлюбленному, – корабли больше не заплывают в эту заводь, не тянутся к небу высокие мачты, не гремят, опускаясь, якорные цепи, не витает в воздухе крепкий табачный дух, не разносится над водой веселый чужеземный говор.

Одиноким путешественник, бросивший свою яхту на причале в Хелфорде и на надувной лодке, под протяжные крики козодоев, отправившийся летней ночью вверх по реке, замедляет ход и останавливается, добравшись до устья ручья: что-то загадочное, колдовское, витающее над этим местом, удерживает его. Впервые забравшись так далеко, он оглядывается на спасительную яхту, застывшую у причала, на широкую реку за своей спиной и замирает, подняв весла, пораженный безмолвием открывшейся перед ним узкой извилистой протоки. Сам не зная почему, он чувствует себя здесь чужим, посторонним, пришельцем из другого мира. Боязливо и неуверенно начинает он продвигаться вперед вдоль левого берега; весла удивительно гулко шлепают по воде, будя странное эхо в кустах на противоположной стороне. Путешественник медленно плывет дальше, берега сужаются, деревья все ближе подступают к ручью, и какое-то неясное томление, какая-то истома неожиданно охватывают его.

Вокруг ни души. Чей же шепот доносится до него с отмели? Что за человек притаился там, под деревом, – в руке у него шпага, пряжки туфель блестят в лунном свете? И кто эта закутанная в плащ темноволосая женщина, стоящая рядом? Нет, он ошибся: это всего лишь тени, дрожание на земле, всего лишь шелест листьев в ветвях да шорох встрепенувшейся в кустах птицы. Отчего же он вдруг растерялся, что испугало его, что помешало ему плыть дальше, в верховья, почему он вдруг решил, что дорога туда для него закрыта? Он разворачивает лодку носом к пристани и гребет вниз по течению, а шорох и шелест настойчиво следуют за ним по пятам: вот простучали по лесу чьи-то торопливые шаги, вот долетел издали чей-то зов, чей-то свист, обрывок странной чужеземной песни. Путешественник пристально вглядывается в темноту; тени перед его глазами сгущаются, делаются резче, складываются в силуэт легкого, изящного сказочного корабля, словно приплывшего к нему из прошлого. Сердце его начинает отчаянно биться, он налегает на весла, и лодка стрелой несется прочь по темной воде, подальше от этого непонятного наваждения.

Очутившись под защитой яхты, он снова бросает взгляд на ручей: полная луна, сияющая и величественная, поднимается над верхушками деревьев, заливая ручей волшебным блеском. Из зарослей папоротника на холмах долетают протяжные крики козодоев; с легким плеском выпрыгивает из воды рыба. Яхта неспешно разворачивается навстречу приливу, и ручей скрывается из виду.

Путешественник спускается в свою удобную, надежную каюту и начинает рыться в книгах. Вскоре он находит то, что искал. Это карта Корнуолла – не слишком точная и не слишком подробная, купленная по случаю в книжной лавке Труро. Бумага пожелтела и выцвела, буквы расплылись от времени. Орфография типична для прошлого века. Хелфорд обозначен достаточно четко, хорошо видны Константайн и Гвик. Но путешественник ищет не их, он смотрит на тонкую линию, отходящую вбок от главного русла, – короткий, извилистый отрезок, тянувшийся на запад, к долине. Под ним полустершаяся надпись – «Французов ручей».

Путешественник озадаченно разглядывает ее, пожимает плечами и сворачивает карту. А затем укладывается в кровать и засыпает.

На пристани воцаряется тишина: не плещет вода под ветром, не кричат козодои. Яхта спокойно покачивается на волнах, освещенная лунным светом. Путешественник спит; тихие видения неслышно проносятся над его головой, и прошлое, увиденное во сне, становится для него явью.

Из паутины и тлена медленно проступают тени забытых веков, они окружают его и уводят за собой. Он слышит цокот копыт на аллеях Нэврона, видит, как распахивается тяжелая дверь и бледный слуга испуганно смотрит на всадника, закутанного в плащ. Он видит Дону, одетую в старое, поношенное платье, с шалью на голове, стоящую на верхней ступеньке лестницы; видит корабль, застывший в тихих водах ручья, и мужчину, который ходит по палубе, заложив руки за спину и улыбаясь про себя загадочной улыбкой. Кухня фермерского дома снова превращается в обеденный зал; кто-то осторожно крадется по лестнице, зажав в руке нож; сверху доносится испуганный детский крик; тяжелый щит обрушивается с галереи на крадущегося, и два надушенных, завитых спаниеля с рычанием и визгом накидываются на распростертое тело.

В ночь летнего солнцестояния кто-то разводит костер на пустынном берегу и двое – мужчина и женщина – смотрят, улыбаясь, в глаза друг другу, соединенные общей тайной; а на рассвете, с первым приливом, из бухты выплывает корабль – солнце яростно сияет с пронзительно-голубого неба, над морем с криком носятся чайки.

Тени минувших времен теснятся над спящим, он узнает их, они становятся ему близки и понятны, как близко и понятно ему теперь и это море, и этот корабль, и стены Нэврона, и карета, тарахтящая по ухабистым дорогам Корнуолла, и тот, далекий, нереальный, похожий на декорацию Лондон, где по грязным булыжным мостовым разгуливают мальчишки-факельщики, а пьяные гогочущие щеголи толпятся на углу у таверны. Он видит Гарри в атласном камзоле, который бредет наверх в сопровождении двух спаниелей, и Дону, вдевающую в уши серьги с рубинами. Видит Уильяма с его крошечным ротиком на узком неподвижном лице и «Ла Муэтт», стоящую на якоре в тесной извилистой протоке, среди густых зарослей, наполненных криками цапель и кроншнепов. Путешественник спит, мирно раскинувшись на кровати, и во сне его снова воскресают те сладкие, безумные летние дни, когда ручей впервые предоставил убежище изгнанникам и беглецам.

2

Когда, протарахтев по Лонсестону, карета подкатила к постоялому двору, часы на церкви пробили ровно половину. Кучер что-то буркнул груму, и тот, спрыгнув на землю, побежал вперед, к лошадям. Кучер тем временем заложил два пальца в рот и свистнул. Из постоялого двора на площадь тут же выскочил конюх и начал растерянно протирать заспанные глаза.

– Поторапливайся, малый, – приказал кучер, – нам стоять некогда. Живо напои лошадей и задай им корма.

Он привстал на козлах, потянулся и угрюмо огляделся по сторонам. Грум, шлепая по земле босыми пятками, прохаживался вокруг лошадей и с сочувственной улыбкой посматривал на него.

– Лошади в порядке, – негромко доложил он. – Просто удивительно, как это они до сих пор не выдохлись. Наверное, не зря все-таки сэр Гарри выложил за них целую кучу гиней.

Кучер пожал плечами, ему было не до разговоров: спину ломило, ноги затекли. Дороги вокруг – сущее наказание, а случись что с лошадьми или с каретой – отвечать придется ему, а не груму. Ехали бы себе тихо-мирно, за неделю, глядишь, и добрались бы. Так нет – непременно надо гнать как на пожар, ни лошадям покою, ни людям. А все потому, что у хозяйки, видите ли, плохое настроение. Слава богу, что хоть сейчас она молчит – должно быть, заснула. Однако надежды его не оправдались: как только конюх вернулся, неся в каждой руке по ведру, и лошади принялись жадно пить, окно кареты распахнулось и из него выглянула его хозяйка – лицо ясное и бодрое, сна ни в одном глазу, голос холодный, повелительный, нагоняющий страх.

– Почему мы стоим? – осведомилась она. – Ты, кажется, уже поил лошадей три часа назад?

Взмолившись, чтобы Господь послал ему терпения, кучер сполз с козел и приблизился к распахнутому окну.

– Лошади загнаны, миледи, – проговорил он. – За последние два дня они проделали добрых две сотни миль. Для таких породистых лошадей это немалое расстояние. Да и дороги здесь для них совсем неподходящие...

– Глупости, – последовал ответ, – чем лучше порода, тем крепче организм. Впредь останавливайся только тогда, когда я разрешу. Расплатись с конюхом и трогай.

– Слушаюсь, миледи.

Слуга отвернулся, упрямо поджав губы, кивнул груму и, бормоча что-то себе под нос, снова забрался на козлы.

Ведра убрали, бестолковый конюх остался стоять разинув рот, а лошади уже, пофыркивая, неслись прочь. Копыта их звонко цокали по мостовой, от разгоряченных боков поднимался пар, и они летели все дальше и дальше из этого сонного городка, с этой вымощенной булыжником площади, туда, где виднелась вдали разбитая, ухабистая дорога.

Уткнувшись подбородком в ладони, Дона уныло смотрела в окно. Дети, слава богу, спали, рядом примостилась Пру, их няня, – рот открыт, щеки порозовели, за два часа не пошевелилась ни разу. Бледная, изможденная Генриетта – маленькая копия Гарри – дремала, прислонившись золотистой головкой к плечу няни. Бедняжка, опять она разболелась – четвертый раз за последнее время. Джеймс спит спокойно, крепким, здоровым сном и, похоже, не проснется до самого приезда. А там... Страшно представить! Постели наверняка сырые, ставни заперты, в комнатах нежилой, затхлый запах, слуги напуганы и растеряны. А все потому, что она слепо поддалась первому порыву, решив раз и навсегда покончить со своим бессмысленным существованием: с этими бесконечными обедами и приемами, с этими глупыми забавами, достойными расшалившихся школяров, с этим омерзительным Рокингемом и его ухаживаниями, с беспечностью и легкомыслием Гарри, старательно играющего роль идеального мужа, с его неиз-

менным ленивым обожанием и противной привычкой зевать перед сном. Чувство это зрело в ней давно, накатывая время от времени, как застарелая зубная боль, и в эту пятницу наконец прорвалось – гневом и отвращением к себе самой. И вот теперь она едет в этой ужасной трясковой карете, направляясь к дому, который видела всего лишь раз в жизни, едет, прихватив с собой сторяча двух перепуганных детей и раздосадованную няньку.

Конечно, это был всего лишь порыв, временный наплыв чувств, она всегда действовала, подчиняясь порыву, всегда, с самого детства, прислушивалась к внутреннему голосу, который нашептывал ей что-то, манил за собой, а потом неизменно обманывал. Она и за Гарри вышла по первому порыву, поддавшись обаянию его ленивой, загадочной улыбки и тому странному выражению, которое, как ей казалось, таилось в глубине его голубых глаз. Теперь-то она знает, что в них ничего нет, ровным счетом ничего – одна пустота, но тогда... тогда она никому не призналась бы в этом, даже себе самой. Да и что толку – дело сделано, она мать двоих детей, и через месяц ей исполняется тридцать.

Нет, Гарри здесь, конечно, ни при чем, так же как и их никчемная жизнь, и их приятели, их нелепые развлечения, и удушающая жара слишком рано наступившего лета, и пыль на подсохших улицах, и глупые шуточки, которые нашептывал ей в театре Рокингом, – все это ни при чем. Виновата она одна.

Она слишком долго играла неподходящую для себя роль. Слишком легко согласилась стать такой, какой хотели видеть ее окружающие: пустышкой, красивой куклой, умеющей говорить, смеяться, пожимать плечами в ответ на комплименты, принимать похвалу как должное, быть беспечной, дерзкой, подчеркнуто равнодушной, в то время как другая, незнакомая, непривычная Дона смотрела на нее из темного зеркала и морщилась от стыда.

Эта другая Дона знала, что жизнь бывает не только горькой, пустой и никчемной – она бывает еще и огромной, и безграничной, в ней есть место и для страдания, и для любви, и для опасности, и для нежности, и для многого, многого другого. В ту пятницу она впервые осознала всю глупость и бессмысленность своей жизни, осознала так остро и ясно, что даже сейчас, сидя в карете и вдыхая свежий воздух, врывающийся в окно, могла бы воскресить в памяти пышущие жаром улицы, вонь, поднимающуюся из сточных канав, запах гнили и разложения, витающий над городом, запах, который почему-то всегда связывался для нее с низким раскаленным небом, с сонной физиономией Гарри, отряхивающего полы камзола, с колючей улыбкой Рокингема – со всем этим скучным, погибающим миром, от которого она должна была освободиться, убежать, пока низкое небо не обрушилось ей на голову и клетка не захлопнулась. Ей вспомнился слепой лоточник на углу, на слух определяющий, сколько монет упало в миску, и подмастерье из Хеймаркета, бегущий мимо с подносом на голове, вспомнились его пронзительные, заунывные выкрики и то, как он поскользнулся на груде отбросов и вывалил весь свой скарб на пыльную бульжную мостовую. Вспомнился – о господи, в который раз! – переполненный театр, крепкий запах духов, смешанный с запахом распаренных тел, глупая болтовня и смешки знакомых, придворные, толпящиеся в королевской ложе, и среди них – сам король, нетерпеливый шум на галерке, топот, крики, требования начинать, апельсиновые корки, летящие вниз. И Гарри, хохочущий, как всегда, без причины размякший – то ли от острот, несущихся со сцены, то ли от выпитого перед отъездом вина – и в конце концов захрапавший прямо в кресле, к величайшему удовольствию Рокингема, который никогда не упускал возможности поразвлечься и тут же подсел к ней поближе и начал нашептывать на ухо непристойные шуточки. Боже мой, до чего же она ненавидит эту его наглую, бесцеремонную манеру, эти замашки собственника! И ведь все это только потому, что однажды, когда она буквально умирала от скуки, а ночь была такой ласковой, такой прелестной, она дала себя поцеловать.

После спектакля они отправились в «Лебедь», хотя, по правде говоря, ей там совсем разонравилось, особенно теперь, когда стерлось ощущение новизны, а вместе с ним и радостное возбуждение при мысли, что она, знатная дама, законная супруга владетельного лорда,

сидит бок о бок с продажными девками в грязном кабаке, куда ни один порядочный мужчина не рискнет привести свою жену. Когда-то она находила в этом своеобразное очарование, ей нравилось смотреть, как приятелей Гарри, сначала шокированных, а затем восхищенных, охватывает лихорадочное веселье, будто любопытных школяров, забравшихся в чужой сад. Но даже тогда, в самом начале, она испытывала время от времени какое-то непонятное смущение, словно по ошибке надела чужой маскарадный костюм, плохо сидящий на ней.

Заразительный, глуповатый смех Гарри и притворно испуганный тон, каким он произносил: «О тебе толкует весь город. В тавернах ходят самые невероятные слухи», – нисколько не трогали ее, а скорее раздражали. Ей хотелось, чтобы он разозлился, накричал на нее; может быть, даже ударил, но он лишь смеялся, пожимал плечами и неуклюже, по-медвежьи, обнимал ее, и она видела, что ее поведение ничуть не задевает его, наоборот, ему приятно, что его женой интересуются, восхищаются, а значит, и его считают не лишенным достоинств. Карета качнулась, провалившись в глубокую рытвину. Джеймс зашевелился во сне и надул губы, словно собираясь заплакать. Дона вложила ему в руку выпавшую игрушку, и он тут же заснул, прижимая ее к себе. Он был сейчас очень похож на Гарри, когда тот, соскучившись, приходит за очередной порцией ласк. «Удивительно, – подумала она, – почему одна и та же черта способна умилить меня в Джеймсе и вызывает всего лишь досаду и раздражение, когда речь идет о Гарри?»

В ту пятницу, вдевая в уши рубиновые серьги, чудесно сочетавшиеся с рубиновым ожерельем, она вдруг вспомнила, как Джеймс недавно схватил это ожерелье и попробовал запихнуть себе в рот. «Какой он смешной», – подумала она, не удержавшись от улыбки. И тут же с ужасом увидела, что Гарри, который стоял рядом и поправлял кружево на манжетах, принял ее улыбку на свой счет. «Дона! – воскликнул он. – Ты сегодня просто обворожительна! Послушай, давай не поедem в театр. Плевать на Рокингема, плевать на всех; можем мы, в конце концов, хоть раз остаться дома?» Бедный Гарри, как это похоже на него – воспламениться от улыбки, предназначенной другому. «Что за глупости!» – проговорила она и отвернулась, чтобы он не вздумал опять приставать со своими неуклюжими ласками. Лицо его мгновенно вытянулось, губы сжались в хорошо знакомую упрямую гримасу, и они поехали в театр, а после театра – в таверну, как ездили уже много-много раз – в другие театры и в другие таверны, – злые, раздраженные, с отвратительным настроением, испортив вечер до того, как он успел начаться.

А когда вернулись домой, он кликнул своих спаниелей, Герцога и Герцогиню, и те принялись носиться вокруг него, пронзительно, на весь дом, тявкать, прыгать на руки и выклянчивать лакомые кусочки. «А ну-ка, Герцог, ну-ка, Герцогиня! – кричал он. – Ну-ка, кто быстрее?» И швырял лакомство через всю комнату прямо на ее кровать, и собаки рвали когтями полог, пытаясь забраться на одеяло, и лаяли, лаяли не переставая. Дона заткнула уши, чтобы не слышать этого дикого, отчаянного лая. Сердце ее лихорадочно стучало, она чувствовала, что холодеет от злости. Выбежав из комнаты, она кинулась вниз по лестнице и прыгнула в стоявший у подъезда портшез. И снова окунулась в уличный жар, увидела плоское, безжизненное небо, нависшее над головой...

Карета опять провалилась в глубокую колею. На этот раз зашевелилась Пру. Бедняжка Пру, как она, должно быть, измучилась! Ее глуповатое честное лицо потемнело и осунулось; наверное, она сердится на свою хозяйку за этот странный, внезапный отъезд. Кто знает, может быть, в Лондоне у нее остался дружок, теперь он быстро найдет ей замену или даже, чего доброго, женится и навсегда разобьет сердце Пру. И все из-за ее, Доны, глупых причуд, из-за ее несносного характера. Ну что, в самом деле, Пру будет делать в Нэвроне – гулять с детьми по аллеям сада и вздыхать о лондонских улицах, оставшихся за многие сотни миль? Да и есть ли в Нэвроне сад? Трудно сказать. Дона приезжала туда всего один раз, сразу после свадьбы – ах, как давно это было! Какие-то деревья там, кажется, росли. Еще она помнит реку, искрящуюся на солнце, и длинную комнату с огромными окнами – вот, наверное, и все. Ей тогда было не

до пейзажей: она уже ждала Генриетту, чувствовала себя отвратительно, жизнь представлялась ей нескончаемой чередой недомоганий, душных комнат, мягких диванов и бутылочек с нюхательной солью. Неожиданно она почувствовала голод. Карета с грохотом проехала мимо цветущего яблоневого сада, и она поняла, что ей ужасно хочется выйти и пообедать именно здесь, на краю дороги, под открытым небом. Да-да, нужно немедленно остановиться. Она высунула голову из окна и прокричала кучеру:

– Остановимся здесь! Я хочу пообедать на свежем воздухе. Помогите мне расстелить пледы.

Кучер с недоумением посмотрел на нее:

– Но, миледи, трава, должно быть, сырая. Вы простудитесь.

– Какая ерунда, Томас! Я хочу есть. Мы все проголодались! Спускайся, сейчас мы устроим обед.

Кучер покраснел от досады и неловко сполз с козел. Грум отвернулся, покашливая в кулак.

– А может быть, доедем до Бодмина, миледи? – осмелился предложить кучер. – Там есть гостиница, вы отдохнете, пообедаете как следует. Ей-богу, это будет гораздо удобней. А то, не ровен час, кто-нибудь пройдет по дороге и увидит, как вы сидите здесь на обочине. Сэру Гарри это вряд ли придется по вкусу...

– Перестань болтать, Томас, – отрезала хозяйка. – Делай, что тебе велено.

И, не дожидаясь, пока он ей поможет, она вылезла из кареты и решительно двинулась по грязной дороге, вздернув юбку выше щиколоток. «Бедный сэра Гарри, – подумал кучер, – каково-то ему терпеть это каждый день!» Через пять минут все – включая няньку, не успевшую как следует проснуться и растерянно моргавшую круглыми глазами, и детей, изумленно озиравшихся по сторонам, – сидели на траве у обочины дороги.

– А сейчас мы будем пить пиво! – объявила Дона. – Эй, кто-нибудь, принесите пиво! Оно там, в корзинке под сиденьем. Ужасно хочется пива! Ну-ну, Джеймс, не капризничай, ты тоже получишь.

Она поудобней устроилась на траве, подложив под себя юбки и откинув на спину капюшон, и начала жадно прихлебывать пиво, словно какая-нибудь нищая цыганка. Потом обмакнула палец в кружку и дала попробовать сыну, не забыв при этом милостиво улыбнуться кучеру, чтобы он не подумал, будто она сердится на него за упрямство и нерасторопность.

– Пейте, не стесняйтесь, – приговаривала она, – пива на всех хватит.

Слуги нехотя прикладывались к кружкам, стараясь не встречаться глазами с нянькой. Дона почувствовала досаду, настроение сразу испортилось, она с тоской представила тихую, уютную гостиницу, где можно было бы согреть воды и вымыть детям лицо и руки.

– Куда мы едем? – в сотый раз спросила Генриетта, опасливо косясь на траву и подбирая под себя ноги. – Я хочу домой. Скоро мы приедем домой?

– Скоро, скоро, – ответила Дона. – У нас теперь будет новый дом, красивый, просторный, гораздо лучше прежнего. Ты сможешь бегать по лесу, и никто не станет ругать тебя, если ты испачкаешь платяице.

– Я не хочу пачкать платяице, я хочу домой, – прохныкала Генриетта.

Губы ее задрожали – долгая дорога утомила ее, она не понимала, зачем они уехали из их уютного, милого дома, зачем остановились на обочине, зачем сидят на грязной траве, – она с упреком посмотрела на Дону и зарыдала. Джеймс, который до этого вел себя совершенно спокойно, вдруг широко раскрыл рот и заревел как белуга.

– Ну что, мои деточки, что, мои хорошие? Испугались этой гадкой канавы? Гадкая канава, гадкая изгородь, вот мы им сейчас! – запричитала Пру, обнимая детей и давая понять своей хозяйке, что целиком разделяет их горе. Дона поднялась, досадуя на себя за то, что устроила этот глупый обед, и резко отодвинула ногой остатки пира.

– Перестаньте плакать, сейчас поедем дальше.

Она отошла в сторону и остановилась, ожидая, пока нянька, дети и корзины водворятся в карету. Воздух был наполнен ароматом цветущих яблонь и утесника, с далеких болот долетал резкий запах торфа и мха, из-за холмов тянуло влажным морским ветром.

Ах, какое ей, в конце концов, дело до детских капризов, до обид Пру, до поджатых губ кучера, до Гарри с его заботами, до печального выражения, промелькнувшего в его голубых глазах, когда она объявила о своем отъезде! «Но, Дона, черт побери, в чем я виноват? Чем я перед тобой провинился? Ведь я люблю тебя, люблю по-прежнему». Какое ей дело до всего этого, – главное, что она стоит здесь, подставив лицо солнцу и ветру, и это и есть та свобода, о которой она мечтала, это и есть настоящая жизнь!

Тогда, в пятницу, после идиотской выходки в Хэмптон-Корте она попробовала все объяснить Гарри, попробовала рассказать ему, что нелепая шутка с графиней была всего лишь жалкой попыткой осуществить свою тайную мечту, что на самом деле она хотела только одного – убежать. Убежать от себя и от той жизни, которую они вели в Лондоне. Один период ее жизни закончился, она подошла к рубежу и преодолеть его должна сама, без чьей-либо помощи.

«Ну что ж, если хочешь, конечно, поезжай, – обиженно проговорил Гарри. – Я сейчас же пошлю нарочного в Нэврон, чтобы слуги успели подготовить дом. Но все-таки я не понимаю... к чему такая спешка? Нэврон никогда тебе особенно не нравился. И почему мне нельзя поехать с тобой?»

«Я должна побыть одна, – настаивала она, – иначе я просто сойду с ума. Поверь, так будет лучше и для тебя, и для меня».

«Не понимаю», – сердито нахмурившись, повторил он.

И тогда она сделала последнюю, отчаянную попытку объяснить ему то, что ее терзало:

«Помнишь, в Хэмпшире у моего отца были вольеры с птицами? Птиц там хорошо кормили, они могли свободно летать по клеткам. Но когда я однажды решила выпустить на волю маленькую коноплянку и поднесла ее к дверце, она выпорхнула из моих ладоней и устремилась прямо к солнцу».

«Ну и что?» – спросил он, сжимая руки за спиной.

«То, что я похожа на эту коноплянку. Я тоже хочу вырваться из клетки», – ответила она и, хотя говорила совершенно серьезно, отвернулась, скрывая улыбку: уж очень растерянно он смотрел на нее, уж очень смешно и нелепо выглядел в своей белой ночной сорочке.

Он пожал плечами – бедняга, она-то как раз отлично его понимала, – забрался в кровать и, отвернувшись к стене, пробурчал:

«Нет, черт побери, для меня это слишком сложно!»

3

Дона подергала шпингалет – окно, похоже, не открывали многие месяцы, и задвижку, конечно, заклинило. Она широко распахнула створки, впуская в комнату струю свежего теплого воздуха.

– Фу! Духота, словно в склепе, – проговорила она.

Солнечный луч скользнул по стеклу, и в нем, как в зеркале, отразилась физиономия лакея, стоявшего за ее спиной. Дона могла бы поклясться, что он ухмыльнулся, но, когда она обернулась, лицо его было так же мрачно и неподвижно, как и все последнее время с момента их приезда. «Что за странная личность, – подумала она, – откуда он взялся – тощий, костлявый, неестественно бледный, с крохотным ротиком, похожим на пуговку?»

– Ты давно служишь в Нэвроне? – спросила она. – Прошлый раз я тебя, кажется, не видела?

– Нет, миледи.

– Тогда здесь работал какой-то старик... как же его звали? У него еще был жуткий ревматизм, он с трудом передвигал ноги. Где он сейчас?

– В могиле, миледи.

– В могиле?

Дона закусила губу и отвернулась к окну. Что это, неужели он над ней смеется? Нет, не может быть. Наверное, показалось.

– Значит, ты работаешь на его месте? – спросила она, не оборачиваясь, глядя на далекую полосу деревьев.

– Да, миледи.

– А как тебя зовут?

– Уильям, миледи.

Какой забавный акцент! Ах да, ведь он корнуоллец, у корнуолльцев вообще очень странное произношение, но этот выговаривает слова совсем уж на иностранный лад, – а может быть, он и не корнуоллец вовсе? Она повернулась и быстро взглянула на него: ну вот, опять он ухмыляется, точь-в-точь как в прошлый раз, когда она поймала его отражение на стекле.

– Наверное, наш приезд доставил всем немало хлопот, – произнесла она. – Мы нагрянули так внезапно, пришлось срочно открывать комнаты... По правде говоря, дом слишком долго простоял запертым. Всюду скопилось ужасно много пыли. Неужели ты не заметил?

– Заметил, миледи, – ответил он. – Но я решил, что если вы не изволите нас навещать, то и убирать не обязательно. Что за удовольствие выполнять работу, которую некому оценить?

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Дона, с любопытством поглядывая на него. – У нерадивых хозяев, как известно, и слуги нерадивые.

– Вот именно, миледи, – невозмутимо откликнулся он.

Дона прошла по длинной комнате, потрогала обивку кресел – поблекшую, выцветшую, – провела рукой по резьбе камина, подняла глаза на картины, развешанные по стенам: вот портрет ее свекра кисти Ван Дейка – что за унылая физиономия! – а вот и сам Гарри. Миниатюра написана в тот год, когда они поженились. Да-да, теперь она вспоминает – каким же он был тогда юным и самовлюбленным! Неожиданно она почувствовала на себе взгляд лакея – нет, в самом деле, что за странный тип! – и поспешно отложила миниатюру в сторону, но тут же одернула себя: не хватало еще считаться с мнением лакея!

– Позаботься, чтобы в доме побыстрее навели порядок, – распорядилась она. – Пусть вытрут везде пыль, выкинут мусор, начистят серебро, расставят цветы в вазах – словом, придадут дому такой вид, будто его хозяйка никогда отсюда не уезжала.

– Хорошо, миледи, я с удовольствием займусь этим лично, – ответил он.

Затем поклонился и вышел, и Дона с досадой отметила, что в дверях он опять ухмыльнулся. Впрочем, в усмешке его не было ничего наглого или вызывающего – он улыбался явно не напоказ, а словно бы про себя, украдкой.

Она подошла к балконной двери и, перешагнув через порог, вышла на лужайку. Садовник, слава богу, не забыл своих обязанностей: трава была аккуратно подстрижена, живые изгороди подровнены. Очевидно, это делалось вчера, в спешке, а может быть, позавчера, когда пришло известие о ее приезде. Бедняги, – наверное, для них это было как гром среди ясного неба: жили себе столько лет без забот и хлопот, и вдруг на тебе – какая-то там хозяйка! Можно представить, как они все огорчились, в особенности этот чудаковатый Уильям – что же это у него за акцент? Корнуольский? Не похоже. Уж он-то, наверное, сполна наслаждался здесь бездельем.

Откуда-то издалека, из распахнутого окна в другой части дома, долетел сварливый голос Пру, требующей горячей воды для детей, и оглушительный рев Джеймса – ох уж эти взрослые, вечно они пристают со своим раздеванием и умыванием, нет бы просто накрыть чело- века одеялом и дать ему спокойно заснуть. Дона постояла, послушала и двинулась дальше, туда, где за полосой деревьев пряталась – да, так и есть, значит, она запомнила правильно – тихая, спокойная, сияющая река. Лучи заходящего солнца переливались на воде золотыми и изумрудными бликами, слабый ветерок слегка рябил поверхность. «Жаль, что поблизости нет лодки, – подумала она, – нужно спросить у Уильяма; может быть, он знает, где ее раздобыть». Она забралась бы в нее, уселась на скамейке, и лодка понесла бы ее к морю. Да, превосходная идея! Это будет так необычно, так рискованно! Можно взять с собой Джеймса, они погрузят в воду лицо и руки, речные брызги будут вылетать из-под кормы, за бортом будут резвиться рыбы, над головой с криками носиться чайки. Господи, наконец-то она вырвалась, наконец-то обрела желанную свободу! Просто не верится, неужели и правда все осталось позади, за триста миль отсюда, – и Сент-Джеймс-стрит, и парадные обеды, и «Лебедь», и запахи Хеймаркета, и противная, многозначительная улыбка Рокингема, и зевки Гарри, и укоризненный взгляд его голубых глаз? А самое главное – та Дона, которую она ненавидела, та глупая, взбалмошная особа, которая из озорства или от скуки – а может быть, и от того и от другого – согласилась сыграть эту идиотскую шутку с графиней и, переодевшись в платье Рокингема, закутавшись в плащ, спрятав лицо под маской, отправилась в Хэмптон-Корт, чтобы там вместе с Рокингом и остальной компанией – Гарри, ни о чем не подозревая, валялся мертвецки пьяный в «Лебеде» – изображать разбойников и, окружив карету графини, заставить ее выйти на дорогу.

«Кто вы такие? Что вам нужно?» – дрожа от страха, причитала бедная старушка. Рокингом, задыхаясь от беззвучного хохота, уткнулся в шею коня, а Дона, исполнявшая роль главаря, холодно отрубил:

«Кошелек или честь!»

Бедная графиня, которой давно перевалило за шестьдесят и которая уже лет двадцать как похоронила мужа, принялась судорожно рыться в кошельке, нашаривая соверены и трепеща при мысли, что этот молодой повеса может в любую минуту швырнуть ее в канаву. Протягивая Доне деньги, она робко заглянула под маску и прошептала трясущимися губами:

«Пощадите меня, умоляю, я так стара и так немощна».

Дона почувствовала, что на глазах у нее выступают слезы; сгорая от стыда, жалости и раскаяния, она сунула кошелек в руку графине и отвернулась, не обращая внимания на Рокингема, который бранился и вопил:

«В чем дело? Какого черта? Что случилось?»

Тем временем Гарри, которому они сказали, что хотят всего лишь прогуляться под луной до Хэмптон-Корта, успел уже добрести до дома и собрался было подняться в спальню, но столкнулся на лестнице с женой, почему-то переодетой в костюм его лучшего друга.

«Разве сегодня был маскарад? – пробормотал он, растерянно протирая глаза. – Надо же, а я и забыл... И король присутствовал?»

«Нет, черт побери, – ответила Дона, – не было никакого маскарада. Не было и не будет. С маскарадами покончено – я уезжаю».

А потом они поднялись в спальню и проговорили всю ночь напролет, спорили, обсуждали и не закончили даже утром, когда явился Рокингем, которого Дона приказала не впускать. Потом начались сборы, Гарри отправил нарочного в Нэврон, чтобы предупредить слуг о ее приезде; потом было это долгое, утомительное путешествие, и вот наконец она здесь, одинокая, независимая – и неправдоподобно, немислимо свободная.

Солнце скрылось за лесом, окрасив воду тусклым багровым цветом; грачи поднялись в воздух и принялись кружиться над деревьями; из труб тонкими струйками потянулся дымок; Уильям зажег в зале свечи. В столовую Дона спустилась поздно, теперь она могла себе это позволить: ранние ужины, слава богу, остались в прошлом. Она уселась в полном одиночестве за длинный стол, испытывая радостное и слегка боязливое возбуждение. Уильям молча стоял за ее спиной, время от времени меняя блюда.

Странно было видеть их вместе: слугу в скромной темной ливрее, с маленьким непроницаемым личиком, крохотными глазками и ротиком-пуговкой и хозяйку в нарядном белом платье, с рубиновым ожерельем на шее и пышными локонами, уложенными за уши по последней моде.

Легкий ветерок, влетая в распахнутое окно, колыхал пламя высоких свечей, стоявших на столе, отчего по лицу ее то и дело пробегали быстрые тени. «Да, – думал слуга, – моя хозяйка очень красива и была бы еще красивей, если бы не это капризное и печальное выражение, которое застыло на ее лице, не досада, притаившаяся в складке губ, не легкая, еле заметная морщинка, пролеглая между бровями». Он вновь наполнил ее бокал и подумал о портрете, висевшем наверху, – портрете своей хозяйки, который он мог наконец сравнить с оригиналом. На прошлой неделе, когда он стоял перед этим портретом с одним своим знакомым, тот шуточно проговорил: «Как ты думаешь, Уильям, увидим ли мы когда-нибудь эту женщину, или она навсегда останется для нас символом неведомого?» И, взглядевшись в изображение, добавил с тихой улыбкой: «Посмотри, Уильям, в этих больших глазах прячутся тени. Они лежат на веках, словно кто-то провел по ним грязной рукой».

– О, что я вижу – неужели виноград? – послышался в тишине голос его хозяйки. – Обожаю виноград! Особенно такой – черный, сочный, с матовым налетом.

– Да, миледи, – возвращаясь к действительности, промолвил слуга. Он отрезал одну гроздь серебряными ножницами и положил перед ней на тарелку. Губы его еле заметно дрогнули – он подумал о том, какую новость ему предстоит сообщить друзьям завтра или послезавтра, когда корабль вернется сюда вместе с первым приливом.

– Уильям, – снова обратилась к нему хозяйка.

– Да, миледи?

– Няня сказала мне, что в доме новые горничные. По ее словам, ты нанял их, когда узнал о моем приезде. Одна из них живет в Константайне, вторая в Гвике, а повар совсем недавно прибыл из Пензанса...

– Да, миледи, это так.

– Но зачем тебе понадобилось их нанимать? Я всегда считала – да и сэр Гарри, по-моему, так думает, – что в Нэвроне вполне достаточно слуг.

– Простите, миледи, возможно, я ошибся, но мне показалось, что для пустующего дома их даже более чем достаточно. Поэтому я позволил себе их распустить и весь последний год жил здесь один.

Дона отщипнула виноградину и взглянула на него через плечо:

– А ты понимаешь, что я могу уволить тебя за самоуправство?

- Понимаю, миледи.
- Наверное, я так и сделаю.

Она отщипнула еще одну виноградину и изучающе посмотрела на него. Странное поведение слуги сердило ее и в то же время вызывало любопытство. Нет, увольнять его она пока не будет.

- Ну а если я тебя оставлю?
- Я буду преданно служить вам, миледи.
- Почему я должна тебе верить?
- Я никогда не обманываю тех, кто мне симпатичен.

Она не нашлась что ответить. Взгляд его был по-прежнему бесстрастен, ротик-пуговка крепко сжат, но что-то подсказывало ей, что на этот раз он не шутит, а говорит истинную правду.

– Звучит как комплимент, – наконец произнесла она, вставая из-за стола и ожидая, пока он отодвинет ее стул.

- Это и есть комплимент, миледи, – бесстрастно ответил он.

Дона молча вышла из столовой. Ей вдруг показалось, что в этом странном маленьком человечке, разговаривающем с ней одновременно почтительно и фамильярно, она может обрести надежного и преданного друга. Она усмехнулась, представив удивленное лицо Гарри: «Не понимаю, почему ты церемонишься с этим наглым лакеем? Высечь его – и дело с концом».

Ведет он себя действительно слишком вольно. Что за нелепая идея – распустить всех слуг и жить одному в таком большом доме? Неудивительно, что здесь полно пыли и запах как в склепе. Хотя понять его, конечно, можно – разве сама она не за этим же сюда приехала? Кто знает, может быть, он удрал от сварливой жены или ему приелось тяжелое, безрадостное существование в каком-нибудь глухом уголке Корнуолла, а может быть, ему, так же как и ей, просто захотелось убежать от себя самого? Она сидела в гостиной, перед камином, в котором Уильям недавно разжег огонь, и, забыв про лежащую на коленях книгу, думала о том, что до ее приезда он тоже, должно быть, любил сидеть здесь, среди накрытых чехлами диванов и кресел, и что ему, наверное, очень обидно уступать это уютное местечко кому-то другому. А в самом деле, до чего же приятно отдохнуть в тишине, подложив под голову подушку, чувствуя, как ветерок из раскрытого окна тихонько шевелит волосы, и зная, что ни одна живая душа не нарушит твоего уединения, не потревожит его грубым голосом или чересчур громким смехом, что все это осталось в прошлом, так же как пыльные мостовые, уличная вонь, шустрые подмастерья, грязные кабаки, назойливая музыка, лукавые друзья и отчаянная пустота в душе. Интересно, что сейчас подельывает Гарри? Наверное, ужинает в «Лебеде» с Рокингемом – жалуется на жизнь, накачивается пивом и, позевывая, режется в карты. «Черт возьми, Роки, почему она говорила о птицах? При чем тут птицы, Роки? Что она имела в виду?» А Рокингем, улыбаясь своей недоброй, едкой улыбкой, поглядывает на него узкими глазами и понимающе бормочет – он всегда делал вид, что понимает ее как нельзя лучше: «Да, интересно, интересно...»

Огонь догорел, в комнате сделалось прохладно. Дона решила подняться в спальню, а по дороге заглянуть в детскую. Генриетта лежала, слегка приоткрыв рот, светлые локоны обрамляли хорошенькое, как у восковой куколки, личико; Джеймс сердито хмурился во сне, его круглая смешная физиономия напоминала мордочку мопса. Дона поцеловала его сжатую в кулачок ручку и осторожно спрятала ее под одеяло. Он приоткрыл один глаз и улыбнулся. Дона на цыпочках вышла из детской, ей было немного стыдно: она понимала, что ее примитивная, необузданная любовь к Джеймсу объясняется всего лишь тем, что он мальчик. Пройдет несколько лет, мальчик превратится в толстого, неуклюжего мужлана, и какая-нибудь женщина обязательно будет из-за него страдать.

Войдя в спальню, она увидела, что кто-то – скорее всего, Уильям – срезал ветку сирени и поставил на камин, под ее портретом. По комнате разливался сладкий, пьянящий аромат.

«Какое блаженство, – подумала она, раздеваясь, – улечься одной в эту просторную, мягкую кровать и не слышать шарканья собачьих лап по полу, не чувствовать противного запаха псины!» Она посмотрела на портрет, тот ответил ей пристальным взглядом. «Неужели шесть лет назад у меня был такой капризный вид, – подумала она, – такие сердито поджатые губы? А может быть, я и сейчас такая?»

Она надела ночную сорочку – белую, шелковую, прохладную, – потянулась и выглянула в окно. Темные ветви деревьев слегка подрагивали на фоне ночного неба. Где-то внизу, за садом, бежала по равнине река, спеша навстречу приливу. Ей представилось, как бурливые речные струи, напоенные весенними дождями, стремительно врываются в море и, смешавшись с солеными морскими волнами, с силой обрушиваются на берег. Она раздернула шторы – комнату залили потоки лунного света. Она отошла от окна, поставила свечу на столик возле кровати и забралась в постель.

Полежала немного, сонно следя глазами за игрой лунных пятен на полу, и уже собралась заснуть, как вдруг почувствовала, что к запаху сирени, наполнявшему комнату, примешивается какой-то другой, крепкий, резкий и удивительно знакомый запах. Она повернула голову – запах сделался сильнее. Похоже, он шел из столика возле кровати. Она протянула руку, выдвинула ящик и заглянула внутрь. В ящике лежали книга и табакерка. Ну конечно, как же это она сразу не догадалась, – разумеется, это табак! Она вытащила табакерку – листья были коричневые, твердые и, судя по всему, недавно нарезанные. Неужели у Уильяма хватило наглости спать в ее комнате? Неужели он осмелился валяться в ее кровати, покуривая трубку и разглядывая ее портрет? Нет, это уж слишком, это переходит всякие границы! Да и непохоже как-то, что Уильям курит трубку. Наверное, она ошиблась... Хотя, с другой стороны, если он целый год жил здесь один...

Она раскрыла книгу – ну-ка посмотрим, что он там читает? Ого, вот это сюрприз! Книга оказалась сборником стихов – стихов, написанных на французском и принадлежащих перу Ронсара. На титульном листе от руки была сделана надпись: «Ж. Б. О. – Финистер». А под ней – крошечный рисунок чайки.

4

Проснувшись на следующее утро, она первым делом собралась позвать Уильяма и, предъявив табакерку и томик стихов, поинтересоваться, как ему спалось на новом месте и не скучал ли он по ее мягкой кровати. Она с удовольствием представила, как вытянется его непроницаемая физиономия, а ротик-пуговка наконец-то задрожит от страха. Однако спустя некоторое время, когда служанка – неуклюжая крестьянская девушка, спотыкавшаяся на каждом шагу и краснеющая от собственной неловкости, – громко топая, внесла завтрак, она решила не объявлять пока о своей находке, а подождать несколько дней – что-то подсказывало ей, что так будет гораздо разумней.

Оставив табакерку и книгу в ящике стола, она встала, оделась и как ни в чем не бывало спустилась вниз. Проходя через гостиную и столовую, она увидела, что приказание ее выполнено: полы подметены, пыль вытерта, в вазах расставлены свежие цветы, окна широко распахнуты, а Уильям собственноручно начищает высокий стенной канделябр.

Увидев ее, он поздоровался и спросил, как она провела ночь.

– Прекрасно, – ответила она и, не удержавшись, добавила: – Ну а тебе как спалось? Надеюсь, наш приезд не лишил тебя сна?

Он вежливо улыбнулся и промолвил:

– Благодарю вас, миледи, вы очень заботливы. Я всегда хорошо сплю. Правда, среди ночи мистер Джеймс немного раскапризничался, но няня быстро его успокоила. Очень странно слышать детский плач в доме, где так долго стояла тишина.

– Мне очень жаль, что Джеймс тебя разбудил.

– Ну что вы, миледи! Я сразу вспомнил свое детство. У нас была большая семья – тринадцать детей, и я среди них самый старший. Я привык ухаживать за малышами.

– Ты родом из этих мест?

– Нет, миледи.

В голосе его прозвучали какие-то новые, упрямые нотки. Словно он хотел сказать: «У слуг тоже есть личная жизнь. И никому не позволено в нее вмешиваться». Она поняла и решила не настаивать. Взгляд ее упал на его руки – чистые, белые, без всяких табачных пятен. Да и весь он был какой-то чистенький, аккуратный, ухоженный. Ничто в его облике не напоминало того резкого, терпкого мужского запаха, который шел из табакерки.

А может быть, зря она его подозревает? Может быть, табакерка лежит там уже года три, с тех пор как Гарри был здесь последний раз, без нее? Да, но Гарри не курит трубку. Она подошла к полкам, уставленным рядами тяжелых томов в кожаных переплетах, которые никто никогда не читал, сняла один и, притворившись, что листает, стала украдкой наблюдать за слугой, усердно начищавшим канделябр.

– Скажи, Уильям, ты любишь читать? – неожиданно спросила она.

– Нет, миледи. Вы, наверное, и сами догадались: книги сплошь покрыты пылью. Извините, я забыл их протереть. Но завтра я обязательно их сниму и протру как следует.

– Значит, читать ты не любишь. Ну а какие-то другие интересы у тебя есть?

– Да, миледи. Я люблю ловить мотыльков. Здесь, в окрестностях Нэврона, много мотыльков. Я уже собрал неплохую коллекцию. Она хранится у меня в комнате.

Ей ничего не оставалось, как уйти. Услышав доносящиеся из сада детские голоса, она направилась туда. «Да, странный субъект, – думала она по дороге, – раскусить его будет сложно. Ясно одно: если он читает Ронсара, он не преминул бы порыться в книгах, хотя бы ради любопытства».

Дети с радостью кинулись ей навстречу. Генриетта скакала, словно маленькая фея, Джеймс ковылял за ней вперевалочку, как матрос, недавно сошедший на берег. Дона обняла

их и повела в лес собирать колокольчики. Цветы только-только показались из земли. Маленькие, слабые, они нежно голубели среди молодой травы, которая через какую-нибудь неделю раскинется вокруг пышным зеленым ковром.

Так прошел первый день, за ним последовал второй, третий – Дона не переставала наслаждаться вновь обретенной свободой. Она жила, ни о чем не думая, ничего не загадывая, жила как живется, вставала когда заблагорассудится – иногда в полдень, иногда в шесть утра, – ела, когда была голодна, ложилась спать, когда чувствовала усталость – днем ли, ночью, – теперь это было все равно. Ее одолевала блаженная, сладкая истома. Она уходила в сад и, растянувшись на траве, подложив руки под голову, часами следила за бабочками, беспечно порхавшими в солнечных лучах и упоенно гонявшимися друг за другом; слушала птиц, которые хлопотливо сновали среди ветвей, озабоченные устройством новых гнезд, словно молодожены, любовно обставляющие свою первую квартиру. Солнце ласково светило с неба; легкие курчавые облака проносились одно за другим; а где-то вдали, за деревьями, в низине, струилась река, к которой она так ни разу и не спустилась – отчасти из-за лени, отчасти из-за того, что времени впереди было еще достаточно. Когда-нибудь ранним утром она обязательно отправится туда, забредет на мелководье, будет шлепать босиком по воде, поднимая тучи брызг, вдыхать сладкий, пронзительный запах речного ила.

Дни шли за днями, восхитительные и нескончаемые. Дети загорели, как цыганята. Генриетта забыла городские привычки и с удовольствием носилась босиком по саду, резвилась, прыгала, словно щенок, играла с Джеймсом в чехарду и, подражая ему, кувыркалась в траве.

Однажды, когда они втроем возились на лужайке и дети, расшалившись, повалили ее в траву и принялись осыпать охалками сорванных маргариток и жимолости, а она, совершенно размякнув и опьянев от солнца, отбивалась от них, не обращая внимания на растрепавшуюся прическу и измятое платье, – Пру, к счастью, уже благополучно скрылась в доме, – с подъездной аллеи неожиданно донесся зловеший цокот копыт. Копыта простучали по двору и стихли. Послышалось дребезжание колокольчика. А еще через несколько минут она увидела Уильяма, идущего к ней по лужайке, а за ним – о боже! – плотного, осанистого мужчину с красным лицом, выпученными глазами и париком, завитым в мелкие букли. Он шел, похлопывая по башмакам тростью с золоченым набалдашником.

– Лорд Годолфин, ваша светлость! – провозгласил Уильям, словно и не замечая вопиющей небрежности ее наряда. Дона вскочила, торопливо одергивая платье и приглаживая волосы, – ах, какая досада, угораздило же его пожаловать в такой неподходящий момент! Гость ошарашенно разглядывал ее. Ничего, так ему и надо, будет знать, как являться без предупреждения.

– Очень рада вас видеть, сударь, – проговорила она, приседая в реверансе.

Он важно поклонился и ничего не ответил. Провожая его в комнаты, Дона мельком взглянула на себя в зеркало: волосы растрепаны, за ухом торчит цветок жимолости. «Ну и пусть, – подумала она, – нарочно не буду ничего поправлять». Они прошли в гостиную и, усевшись на жесткие стулья, молча уставились друг на друга. Лорд Годолфин в замешательстве поднес ко рту золоченый набалдашник и принялся его покусывать.

– Как только я узнал о вашем приезде, сударыня, – наконец выговорил он, – я тут же счел своим долгом – приятным долгом, смею заметить, – нанести вам визит. Мы уже несколько лет не имели счастья видеть вас в Нэвроне и, признаться, решили, что вы о нас совсем забыли. А ведь когда-то мы с вашим супругом были закадычными друзьями.

– Вот как? – проговорила Дона, разглядывая бородавку, красовавшуюся у него на носу, – она только сейчас ее заметила. Бедняга, как это, должно быть, неприятно! Она торопливо отвела взгляд, не желая его смущать.

– Да, – продолжал гость, – в детстве мы с Гарри были большими приятелями. Правда, после женитьбы он переселился в город и перестал сюда приезжать.

«Камешек в мой огород, – подумала Дона. – Что ж, в каком-то смысле он прав».

– К сожалению, Гарри и на этот раз не смог приехать, – сказала она. – Я живу здесь с детьми.

– Жаль, – проронил он.

Она промолчала – что тут скажешь?

– Моя супруга тоже была бы счастлива вас навестить, – произнес он, – но она сейчас не совсем здорова. Дело в том, что она... она ждет... э-э-э...

Он запнулся, не зная, как продолжать.

– Понимаю, – улыбнулась Дона, – у меня самой двое детей.

Он поклонился, слегка сконфуженный.

– Мы надеемся, что родится мальчик, – сказал он.

– Да-да, конечно, – согласилась Дона и снова украдкой взглянула на бородавку. Чудовищно! И как только его жена это терпит?

Лорд Годолфин тем временем продолжал говорить. Его супруга просила передать, что в самом скором времени ждет Дону к себе, у них так мало знакомых, они почти ни с кем не видятся... «Боже мой, – думала Дона, – до чего же он скучен! Существует ли вообще золотая середина между грубой развязностью Рокингема и таким вот нелепым чванством? Кто знает, если бы Гарри жил в Нэвроне, может быть, и он стал бы таким же надутым пузырем с пустым взглядом и ртом, похожим на надрез в мясном пудинге?»

– Я уверен, – бубнил Годолфин, – что Гарри не оставит своих земляков в трудную минуту. Вы, конечно, слышали о наших неприятностях?

– Нет, – ответила она, – я ничего не знаю.

– Очевидно, новость еще не успела до вас дойти. Нэврон действительно расположен очень уединенно. Хотя в округе все только об этом и говорят. Жители страшно обеспокоены. Представьте себе, у нас на побережье объявились пираты! За последнее время они совершили уже несколько набегов, похитили много ценных вещей – в Пенрине и в других деревнях. А на прошлой неделе напали на моего соседа.

– Да, в самом деле неприятно, – согласилась Дона.

– Неприятно?! – возмущенно воскликнул Годолфин. Лицо его покраснело, глаза еще больше вытаращились. – Да это просто неслыханно! И самое ужасное, что никто не знает, как с ними бороться. Неделю назад я отправил в Лондон жалобу, но до сих пор не получил ответа. Мы даже вызвали на подмогу солдат из Бристоля, но от этих остолопов нет никакой пользы. Вся беда в том, что местная знать действует поодиночке, вместо того чтобы объединиться и сообща дать отпор врагу. Очень жаль, что Гарри не сумел приехать, очень жаль.

– Может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь? – спросила Дона, изо всех сил стискивая руки, чтобы не рассмеяться: он так яростно напал на нее, так горячился, словно подозревал ее в тайном пособничестве пиратам.

– Только одним, сударыня, только одним: как можно быстрее вызвать сюда вашего супруга. Пусть он поможет нам объединиться и одолеть наконец этого проклятого француза.

– Француза? – переспросила она.

– Да! – раздраженно воскликнул он. – Представьте себе, этот негодяй вдобавок еще и иностранец – грязный, подлый французишка. Он каким-то образом сумел изучить наше побережье и теперь, когда мы пытаемся его поймать, каждый раз ухитряется улизнуть на материк, в Бретань. Корабль его быстр, как ртуть, ни одно наше судно не способно его догнать. Ночью он тайком высаживается на берег, бесшумно, как тать, прокрадывается в наши дома, ворует наше добро, взламывает лавки и кладовые, а утром исчезает вместе с отливом, прежде чем хозяйка успевают продрать глаза.

– Да, похоже, он слишком хитер для вас, – заметила Дона.

– Хм, ну что ж, можно сказать и так, – обиженно проговорил Годолфин.

– Сомневаюсь, что Гарри сумеет его поймать, – сказала Дона. – Он такой ленивый.

– Я и не рассчитывал, что Гарри будет собственноручно этим заниматься, – возразил Годолфин. – Я просто хочу собрать как можно больше надежных людей. Мы должны во что бы то ни стало поймать этого негодяя, и мы будем ловить его, не жалея ни времени, ни сил. Мне кажется, вы не осознаете всей серьезности нашего положения, сударыня. В любую минуту каждый из нас рискует быть ограбленным. Наши жены и сестры не могут спокойно спать, опасаясь за свою жизнь... И не только за жизнь.

– А что, были и такие случаи? – понизив голос, спросила Дона.

– Пока нет, – холодно ответил Годолфин. – Ни один мужчина пока не убит, ни одна женщина не пострадала. Но не забывайте, что мы имеем дело с французом. Рано или поздно он обязательно совершит какую-нибудь подлость, это всего лишь вопрос времени.

– Да, вы правы, – с трудом удерживаясь от смеха, произнесла Дона.

Боже мой, до чего же у него напыщенный вид! Нужно срочно что-то предпринять, иначе она рассмеется ему в лицо. Она быстро встала и подошла к окну. К счастью, он воспринял это как желание побыстрее закончить беседу и, торжественно поклонившись, поцеловал ей руку.

– Смею надеяться, сударыня, что вы не забудете о моей просьбе и в ближайшем же письме сообщите своему супругу о моих опасениях? – проговорил он.

– Разумеется, – ответила Дона, не допуская и мысли, чтобы Гарри ради каких-то пиратов мчался сломя голову из Лондона, нарушая ее блаженное одиночество.

Пообещав в скором времени навестить его жену и выслушав в ответ новую порцию любезностей, она позвала Уильяма и приказала ему проводить гостя. Годолфин вышел. Вскоре по аллее зацокали, удаляясь, копыта его коня.

«Ну все, – подумала Дона, – хватит, больше никаких гостей». В конце концов, она не за этим сюда приехала. Лучше уж сидеть в «Лебеде», умирая от скуки, чем развлекать беседой всяких напыщенных болванов. Нужно предупредить Уильяма, чтобы никого больше не впускал. Пусть придумает какую-нибудь отговорку: хозяйка уехала, заболела, простудилась, слегла с приступом белой горячки – все что угодно, лишь бы не встречаться больше с этими Годолфинами.

Боже мой, до чего же они, видно, тупы и неповоротливы, эти местные аристократы, если позволяют так нагло себя грабить. Какой-то бандит осмеливается забираться к ним по ночам, шарит в их кладовых, уносит их добро, а они даже не могут ему помешать! Солдат вызвали на помощь – олухи, тупицы! Нет бы расставить часовых вдоль побережья и назначить круглосуточное дежурство – француз обязательно попался бы при высадке. Корабль все-таки не дух и не привидение, он зависит от ветра, от течений. Да и матросы его не бесплотные тени. Наверняка кто-то видел, как они высаживались на берег, слышал их голоса, топот ног на набережной...

Спустившись в шесть к ужину – сегодня он для разнообразия был устроен ею пораньше, – она не откладывая объявила Уильяму, что впредь он не должен пускать никаких посетителей.

– Я приехала в Нэврон, чтобы отдохнуть, – пояснила она, – пожить некоторое время затворницей. И пока я здесь, я никого не желаю видеть.

– Понимаю, миледи, – ответил он. – Я допустил непростительную оплошность. Больше этого не повторится. Обещаю, что отныне никто не посмеет вторгнуться в ваше убежище.

– Убежище? Что ты имеешь в виду?

– А разве Нэврон для вас не убежище, миледи? – ответил он. – Ведь вы уехали из Лондона, чтобы скрыться от себя самой, надеясь найти здесь покой и утешение.

Она молчала, растерянная и даже слегка напуганная. Затем, спустя некоторое время, проговорила:

– Я вижу, ты неплохо разбираешься в людях. Кто тебя этому научил?

– Мой бывший хозяин, миледи. Он часто беседовал со мной. От него я научился многому: не только разбираться в людях, но и думать, рассуждать, делать выводы. Я уверен, что он тоже назвал бы ваш отъезд из Лондона бегством.

– Почему же ты ушел от своего хозяина?

– При том образе жизни, который он сейчас ведет, миледи, слуга ему, к сожалению, не нужен. Поэтому он предложил мне подыскать другое место.

– И ты выбрал Нэврон?

– Да, миледи.

– Чтобы жить в одиночестве и ловить мотыльков?

– Совершенно верно, миледи.

– Значит, Нэврон и для тебя убежище?

– В каком-то смысле да, миледи.

– А чем занимается твой бывший хозяин?

– Он путешествует, миледи.

– Путешествует? Переезжает с места на место?

– Именно так, миледи.

– Может быть, он тоже хочет от чего-то убежать?

– Может быть, миледи. Он и сам частенько называет свои путешествия бегством. Иногда мне кажется, что вся его жизнь – это бегство.

– Ну что ж, ему можно позавидовать, – сказала Дона, срезая кожуру с яблока, – это удастся далеко не каждому. Большинство людей только притворяются свободными, а на самом деле связаны по рукам и ногам.

– Вы правы, миледи.

– А твоего хозяина ничто не связывает?

– Нет, миледи.

– Ты меня заинтриговал, Уильям. Мне даже захотелось взглянуть на твоего хозяина.

– У вас с ним много общего, миледи.

– Может быть, во время очередного путешествия он не откажется заглянуть к нам?

– Вполне возможно, миледи.

– В таком случае, Уильям, я отменяю свое приказание. Если твой хозяин надумает нас навестить, можешь не говорить ему, что я простудилась или лежу при смерти, – я с удовольствием его приму.

– Слушаюсь, миледи.

Она поднялась и, оглянувшись, – он в это время как раз отодвигал ее стул – увидела, что он улыбается. Встретившись с ней взглядом, он тут же сделал серьезное лицо и снова крепко сжал свой ротик-пуговку. Она направилась в сад. Воздух был тих, ласков и спокоен; небо на западе разгоралось широкими полосами. Из дома доносились голоса детей, – наверное, Пру укладывала их спать. В такую погоду хорошо было погулять одной, побродить где-нибудь по окрестностям. Она вернулась в дом, захватила шаль, накинула ее на плечи и, миновав сначала сад, потом парк, незаметно дошла до перелазы. За перелазом расстилалось поле. Грязная тропинка привела ее к проселочной дороге, за которой виднелась широкая пустошь, поросшая буйным разнотравьем, а еще дальше, за пустошью, – море и скалистый берег.

Ей вдруг ужасно захотелось добраться туда, о реке она уже забыла – морской простор неудержимо манил ее к себе. Когда она наконец ступила на берег, полого убегающий вниз, в воздухе уже похолодало. Чайки, в это время года обычно сидящие на гнездах, при ее появлении всполошились и подняли отчаянный крик. Дона устало опустилась на каменистый пригорок, поросший пучками колючей травы, и огляделась. Слева виднелась река, широкой искрящейся полосой убегающая к морю – спокойному, гладкому, отливающему медью и пурпуром в лучах заходящего солнца. Далеко внизу, под скалами, тихо плескались волны.

Солнце, садившееся у нее за спиной, прочертило по воде дорожку до самого горизонта. Дона лежала, погруженная в сладкую, дремотную тишину, и смотрела на море. Неожиданно вдали замаячила какая-то точка. Она быстро росла, приближалась, обретая очертания парусника. Ветер внезапно стих, и парусник на мгновение замер, словно повис между морем и небом, – яркий, легкий, как детская игрушка. Дона различала высокую корму, кубрик, странные наклонные мачты и тучи чаек, с криком вьющихся вокруг корабля. «Наверное, везут большой улов», – подумала она. Легкий ветерок промчался по склону холма, на котором она лежала, взъерошил гребни волн под обрывом и полетел дальше, к застывшему в ожидании кораблю. Паруса его вдруг наполнились ветром, выгнулись и затрепетали – белые, чистые и воздушные; чайки стаей поднялись с поверхности моря и закружились вокруг мачт; заходящее солнце позолотило корабль своим последним лучом, и он легко и плавно заскользил к берегу, оставляя позади длинную темную волнистую полосу. Доне показалось, будто чья-то рука внезапно сдавила ей сердце и чей-то тихий голос прошептал на ухо: «Запомни это. Запомни навсегда». Ее охватило какое-то странное чувство – восторг? страх? удивление? Она повернулась и, вполголоса напевая, улыбаясь сама не зная чему, побрела обратно в Нэврон. Она шла, карабкаясь по склонам, огибая лужи, по-мальчишески перепрыгивая через канавы, а небо над ее головой становилось все темней и темней, вот уже показалась луна, и легкий ветерок, шелестя, пробежал по верхушкам деревьев.

5

Вернувшись, она сразу же легла. Прогулка утомила ее, и она заснула почти мгновенно, не замечая, что шторы раздернуты и в комнату светит луна. Среди ночи она внезапно проснулась, разбуженная скрипом гравия под окном. Было, наверное, чуть больше полуночи – сквозь сон она разобрала, как пробили часы на конюшне. Шаги под окном насторожили ее: слугам в это время полагалось спать, а не разгуливать по двору. Она встала, подошла к окну и выглянула в сад. От дома на землю ложилась густая тень; человек, прогуливающийся внизу, должно быть, уже ушел – она никого не увидела. Она постояла, подождала. Неожиданно из-за деревьев, окаймлявших лужайку, выступила человеческая фигура. Незнакомец остановился в квадрате лунного света и посмотрел на дом. Затем поднес руку ко рту и тихо свистнул. Со стороны дома навстречу ему тут же устремился второй человек, до этого, очевидно, прятавшийся под окном гостиной. Он предостерегающе поднял руку и быстро побежал через лужайку – Дона узнала Уильяма. Она подалась вперед, стараясь не выходить из-за шторы. Локоны упали ей на лицо, сердце лихорадочно стучало – все происходящее казалось ей подозрительным и загадочным. Задыхаясь от волнения, она нетерпеливо барабанила пальцами по подоконнику. Двое мужчин остановились в пятне лунного света. Уильям, жестикулируя, что-то объяснял собеседнику. Внезапно он обернулся и показал на дом – Дона испуганно отступила в тень. Мужчины не заметили ее, беседа возобновилась. Незнакомец кинул взгляд на дом и пожал плечами, словно показывая, что ничего не может поделать. Затем оба шагнули под деревья и скрылись в лесу. Дона подождала, прислушиваясь, но они не возвращались. Свежий ветерок насквозь продувал ее легкую ночную сорочку. Она поежилась, отошла от окна и снова улеглась в кровать, но заснуть не смогла: странное поведение Уильяма обеспокоило ее.

Если бы она увидела, что он один направляется ночью в лес, она не стала бы волноваться. Мало ли какие дела могут быть у слуги: например, проведать подружку, живущую в соседней деревне, или еще того невинней – половить мотыльков на досуге. Но эта крадущаяся походка, эти условные сигналы, загадочный незнакомец, вызывающий его из дома тихим свистом, торопливость, с которой Уильям бросился ему навстречу, предостерегающе подняв руку, – все это выглядело крайне подозрительно.

Наверное, зря она так слепо доверяет ему. Любой другой на ее месте не раздумывая уволил бы лакея, проявившего подобное самоуправство, осмелившегося поселиться в доме без разрешения хозяев. Да и эти его свободные манеры, эта фамильярность, которая так ее забавляет, вряд ли пришлись бы по вкусу кому-то еще. Леди Годолфин, например. Или Гарри. Гарри, разумеется, выгнал бы его в первый же день. Впрочем, с Гарри он и вел бы себя по-другому. И потом, эта табакерка, томик стихов – нет, все это очень и очень странно. Ясно одно: нужно срочно во всем разобраться, нельзя оставлять это дело без внимания. Озабоченная, растерянная, так и не придя ни к какому решению, она наконец заснула, когда серый рассвет уже медленно вползал в окна.

День выдался погожий и жаркий, такой же, как все предыдущие. Солнце раскаленным шаром повисло в безоблачном небе. Дона вышла в сад и сразу же направилась к группе деревьев, за которой ночью исчезли незнакомец и Уильям. Как она и ожидала, среди колокольчиков тянулся узкий, но довольно отчетливый след их ног; он пересекал широкую лесную дорогу и уходил вглубь, в самую чащу. Дона решила проверить, куда он ведет. След извивался, то и дело теряясь в траве, но все же неуклонно убегал вниз. Она вдруг поняла, что, двигаясь в этом направлении, в конце концов непременно выйдет к реке. Да, так и есть – впереди, за деревьями, блеснула вода. Но она тут же поняла, что это не река, река должна была остаться левой, да и не могла она так быстро дойти до реки. Нет, это скорей один из притоков. Вот это открытие! Она остановилась, размышляя, стоит ли идти дальше. Потом вспомнила, что дети скоро начнут ее

искать, да и Уильяму она не успела дать никаких указаний, и повернула обратно. Поднялась по лесистому склону, миновала лужайку и снова оказалась перед домом. «Ничего, – решила она, – спешить некуда, после обеда попробую еще раз».

Поиграв немного с детьми, она отправилась наверх писать письмо Гарри – грум должен был на днях вернуться в Лондон, – чтобы сообщить ему, как они добрались и устроились. Она села в гостиной у открытого окна и, покусывая кончик пера, стала думать, что бы такое ему написать. Нельзя же, в самом деле, ограничиться сообщением о том, как она счастлива, наконец-то оставшись одна. Он только попусту расстроится, а понять ее все равно не сможет.

Недавно ко мне заезжал некто Годолфин, – писала она, – один из твоих прежних друзей – чрезвычайно неприятный и надменный тип. Ни за что бы не подумала, что в детстве вы с ним носились по окрестным полям. Впрочем, может быть, ты вовсе и не носился по полям, а чинно сидел на золоченом стульчике и разглядывал книжки с картинками. У твоего приятеля здоровенная бородавка на носу, а его жена ждет ребенка, в чем я ей искренне сочувствую. Он прожужжал мне все уши о каких-то пиратах, точнее, об одном из них – некоем французе, который имеет наглость забираться по ночам в дома местной знати и грабить их без зазрения совести, а они, даже с помощью полка солдат, не могут с ним справиться. Удивительная нерасторопность! Придется, наверное, мне самой заняться этим делом и, взяв кинжал в зубы, отправиться на поиски этого негодяя. Мальчик он, как видно, отчаянный и, если верить Годолфину, подлец из подлецов: только и знает, что убивать и насиловать. Ну ничего, как только я его поймаю, то обязательно свяжусь покрепче и пришлю тебе в подарок.

Она зевнула и поводила пером по губам. Ну что ж, для начала неплохо, можно и дальше продолжать в том же духе. Главное, поменьше нежностей, а то Гарри, чего доброго, примчится в Нэврон. Но и излишняя холодность тоже ни к чему – он обидится, насторожится и опять-таки захочет приехать. Лучше всего, наверное, так:

Веселись, пей и развлекайся, но не забывай о своей фигуре, особенно когда перейдешь к пятому стакану. Что касается лондонских красоток, разрешаю тебе любезничать со всеми, на ком ты остановишь свой сонный взгляд. Обещаю, что не буду пилить тебя за это при встрече.

Дети здоровы, шлют тебе привет, просят передать, что соскучились. Я тоже. Однако не настолько, чтобы лишать тебя удовольствия пожить в Лондоне одному.

*Любящая тебя
Дона.*

Она сложила и запечатала письмо. Слава богу, с этим покончено. Теперь нужно подумать, куда спроводить Уильяма, – ей не хотелось, чтобы он знал о ее вылазке. Через несколько минут, когда она спустилась к обеду, решение уже было найдено.

– Уильям, – начала она.

– Да, миледи?

Она подняла голову и внимательно посмотрела на него. Никаких следов усталости, вид такой же, как обычно: предупредительный и невозмутимый.

– Уильям, – повторила она, – я хочу, чтобы ты съездил к лорду Годолфину после обеда и отвез букет цветов для его супруги. Я слышала, что она не совсем здорова.

Показалось ей или в самом деле в глазах его мелькнули недовольство и растерянность?

– Это нужно сделать непременно сегодня, миледи?

– Да, Уильям, если тебе не трудно.

- Я думаю, что грум выполнит ваше поручение быстрее, миледи.
- Груму я велела отвезти детей и няню на пикник.
- Хорошо, миледи.
- Скажи садовнику, чтобы нарезал цветов.
- Слушаюсь, миледи.

Он замолчал, она тоже ничего больше не прибавила, с улыбкой представляя, как ему, должно быть, не хочется ехать. Наверное, сегодня у них назначена очередная встреча в лесу. Ну что ж, встреча состоится, только вместо Уильяма в лес пойдет она.

– Передай горничной, что я хочу отдохнуть после обеда, – проговорила она, выходя из комнаты. – Пусть приготовит постель и задернет шторы.

Он молча поклонился. Эта предосторожность должна была усыпить все его подозрения, если они у него еще оставались. Чтобы выдержать роль до конца, она поднялась в спальню и улеглась в кровать. Вскоре во дворе затарахтела карета, послышались детские голоса, весело обсуждающие неожиданную поездку. Затем колеса простучали по аллее – карета уехала. Прошло еще несколько минут. Снова зацокали копыта. Дона украдкой пробралась на галерею, выходящую во двор, и осторожно выглянула из окна: Уильям сел на коня и, примостив на седле перед собой огромный букет, ускакал прочь.

«Так, маневр удался», – подумала она, посмеиваясь про себя, как мальчишка-проказник, затеявший очередную шалость. Она вернулась в спальню, надела платье, которое не жаль было испортить, повязала голову шелковой косынкой и крадучись, словно воришка, выскользнула из дома.

Ступив на тропинку, обнаруженную утром, она сразу же углубилась в лес. Птицы, молчавшие уже несколько часов, снова оживленно сновали между ветвей; в теплом воздухе бесшумно порхали бабочки, с жужжанием взлетали к верхушкам деревьев сонные шмели. Вскоре впереди, как и в первый раз, блеснула вода. Затем деревья внезапно расступились, и Дона очутилась на берегу спокойного, тихого ручья, притаившегося в чаще леса. Она с удивлением огляделась вокруг: кто бы мог подумать, что здесь, в самой глуши, на территории ее владений прячется никому неведомый приток главной реки! Начался отлив; вода медленно отступала, обнажая илистую пойму; ручей мелел на глазах, превращаясь в тоненькую струйку, бегущую прямо у нее из-под ног. Дона поняла, что стоит у истока ручья, который, петляя и извиваясь, убежал дальше за деревья. Обрадованная своим нечаянным открытием, удивленная и слегка растерянная, она двинулась вдоль берега, совершенно забыв о первоначальной цели своей экспедиции. Место было и впрямь удивительное: тихое, таинственное, уединенное, пожалуй даже более уединенное, чем сам Нэврон, – настоящий райский уголок. Неподалеку на отмели стояла мрачно нахохлившаяся цапля, рядом семенил по илу маленький сорочай. Кроншнеп поднялся с берега и, издав загадочный крик, скрылся в низовьях. Вслед за ним, лениво взмахивая тяжелыми крыльями, полетела и цапля. Птиц, по-видимому, что-то встревожило. Дона прислушалась – ей показалось, что они испугались не ее, – и разобрала доносящийся откуда-то издали негромкий стук, как будто стучали молотком по дереву.

Она двинулась вперед, но, не успев дойти до поворота, вздрогнула и непроизвольно отпрянула в лес. Прямо перед ней, в том месте, где река, расширяясь, образовывала заводь, стоял корабль – так близко, что при желании она могла бы забросить на палубу камешек. Она сразу узнала его. Это был тот самый парусник, который возник вчера на горизонте, – яркий, словно детская игрушка, отливающий золотом в лучах заходящего солнца. Двое матросов, свесившись за борт, отбивали с кормы старую краску. Именно этот стук и донесся до нее несколько минут назад. Очевидно, заводь в этом месте была достаточно глубока, если такой корабль спокойно зашел сюда. Об этом же свидетельствовали и высокие глинистые берега, обнажавшиеся по мере того, как ручей с шипением и бульканьем отступал, убегая дальше, за поворот, чтобы где-то там, вдали, слиться с главным потоком. Чуть в стороне на берегу виднелась небольшая

пристань. Дона заметила разбросанные на земле инструменты, шкивы, канаты – на корабле, по-видимому, шел ремонт. Около берега стояла привязанная лодка, однако ни в ней, ни поблизости никого не было видно.

Все вокруг замерло, охваченное дремотной летней тишиной, и только матросы по-прежнему продолжали стучать молотками. «Невероятно, – думала Дона, – и никто не догадается, никто не поверит, пока не убедится собственными глазами, случайно забредя сюда из Нэврона, так же как и я, что здесь, в стороне от реки, под сенью густого леса, стоит на якоре самый настоящий корабль!»

На палубе появился еще один матрос, маленький, веселый, похожий на обезьянку, с лютней в руке. Он перегнулся через перила и посмотрел на своих товарищей. Потом уселся, скрестив ноги, прямо на досках и принялся перебирать струны лютни. Матросы подняли головы, с улыбкой прислушиваясь к бойкому, озорному напеву. Проиграв вступление, человек запел, сначала тихо, потом все громче и громче. Дона слушала, пытаясь разобрать слова. И вдруг, замерев от неожиданности, поняла, что он поет по-французски.

Так вот оно что – руки у нее похолодели, во рту пересохло, сердце забилось от дикого, никогда прежде не испытываемого страха, – вот в чем дело: она обнаружила тайное убежище француза, а парусник, который она видит перед собой, не что иное, как пиратский корабль!

Нужно срочно что-то предпринять, нужно с кем-то связаться, кого-то предупредить... Боже мой, как же она сразу не догадалась – место действительно идеальное: тихое, уединенное, недоступное для посторонних, – да-да, нужно обязательно с кем-нибудь поделиться, обязательно кому-то рассказать...

А может быть, не нужно? Может быть, лучше уйти и сделать вид, что ничего не случилось? Забыть, а точнее, притвориться, что забыла? И тогда все останется по-прежнему, никто не ворвется в дом, не станет приставать с расспросами, не начнет прочесывать парк, Гарри не примчится из Лондона, не будет никакого шума и суеты... Да-да, лучше промолчать, незаметно скрыться в лесу, тихонько добраться до дома и жить как ни в чем не бывало, храня ото всех эту тягостную тайну. А Годолфин пусть выкручивается сам. Какое ей, в конце концов, дело до этого надутого болвана и его никчемных друзей?

Она повернулась, намереваясь незаметно отступить в лес, и в то же мгновение из-за деревьев выбежал какой-то человек, одним прыжком подскочил к ней, набросил на голову плащ и швырнул ее на землю. Ослепленная и беспомощная, она лежала у его ног, не в силах пошевелиться или позвать на помощь, а в голове ее вертелась одна-единственная мысль: «Я погибла!»

6

И тут же ее охватила ярость, дикая, безрассудная ярость. Как он смеет так обращаться с ней? Как он смеет связывать ее, словно индюшку, и тащить неизвестно куда? Бандит тем временем донес ее до пристани, бросил в лодку и сел на весла. Подплыв к кораблю, он издал резкий крик, похожий на крик чайки, а затем обратился к матросам, стоявшим на палубе, но не по-французски, а на каком-то диалекте, которого она не знала. Матросы расхохотались, а коротышка с лютней, словно в насмешку, проиграл несколько тактов озорной, веселой джиги.

Дона выбралась из-под тяжелого плаща и взглянула на своего похитителя. Он усмехнулся и что-то проговорил по-французски. Глаза его весело блеснули, как будто случившееся было не более чем забавной шуткой, призванной скрасить долгий летний день. Заметив, что она сердито нахмурилась, он скорчил серьезную мину, делая вид, что ужасно ее боится.

«А что, если закричать? – подумала Дона. – Может быть, кто-то услышит и придет на помощь?» Но тут же отказалась от этой мысли. Звать на помощь? Нет, ни за что! Она и сама прекрасно справится. Надо только немного подождать и оглядеться. В конце концов, она умеет плавать. Может быть, когда стемнеет, удастся выбраться на палубу и незаметно спрыгнуть за борт. И зачем только ей понадобилось торчать на берегу, зная, что корабль принадлежит французу? Вот и угодила в ловушку, терпи теперь – сама виновата. Ах, до чего же обидно, до чего унижительно и нелепо!

Лодка проскользнула под кормой корабля; мимо проплыли броские золотые буквы названия – «Ла Муэтт». Она попробовала вспомнить, что это значит, но все французские слова, как назло, выскочили из головы. Матрос подтолкнул ее к лестнице, свисающей с борта. Его приятели столпились наверху и, нагло ухмыляясь – негодяи, мерзавцы! – ждали, когда она начнет подниматься. Она постаралась взобраться как можно быстрее, не желая давать им ни малейшего повода для насмешек, и, выйдя на палубу, гордо тряхнула головой, намеренно не замечая протянутых для помощи рук.

Они залопотали что-то на своем тарабарском языке. Дона догадалась, что это бретонский: Годолфин, кажется, говорил, что после налета корабль всегда удирает в Бретань. Их idiotские ухмылки раздражали ее, она чувствовала, что в такой обстановке ей тяжело будет сохранить величественную позу, которую она решила принять. Она скрестила руки на груди и отвернулась, не говоря ни слова. Откуда-то появился первый матрос, – должно быть, он докладывал о своем прибытии главарю, капитану этого загадочного судна. Подойдя к Доне, он пригласил ее следовать за собой.

Все это выглядело довольно странно. Пираты представлялись ей совсем не такими. Она ожидала увидеть головорезов с серьгами в ушах и кинжалами за поясом, а перед ней были простые, добродушные парни, по-детски наивно восхищавшиеся ее красотой.

Да и корабль, если признаться честно, оказался не таким, как она ожидала. Не было ни грязи, ни вони, ни мусора – все сияло чистотой, краска была свежей и яркой, палубы надраены не хуже, чем на военном судне, а из носовой части, где, по-видимому, жили матросы, тянуло аппетитным запахом овощного супа. Они вошли в дверь с раскачивающимися створками, спустились по лестнице и остановились перед второй дверью. Матрос постучал. Спокойный голос пригласил их войти. Дона шагнула за порог и невольно зажмурилась: яркий свет, врывающийся в кормовые окна, заливал каюту, отражаясь от деревянных панелей на стенах. Дона в очередной раз испытала растерянность и недоумение: каюта ничем не напоминала мрачную нору, увешанную оружием и заваленную пустыми бутылками. Это была самая обычная комната: полированный стол, стулья, рисунки птиц на стенах – строгая и вместе с тем уютная обстановка, свидетельствующая о том, что человек, живущий здесь, вполне довольствуется самим собой. Проводник Доны вышел, тщательно прикрыв за собой дверь, и она смогла наконец разглядеть

хозяина комнаты, который сидел за столом и что-то писал, не обращая на нее внимания. Она кинула на него робкий взгляд, но тут же одернула себя – ей, Доне Сент-Колам, никогда и никого не боявшейся, не пристало робеть перед каким-то пиратом. Да и вообще, что он себе позволяет? Почему он не обращает на нее внимания? В конце концов, это невежливо! Долго ей еще здесь стоять?.. Однако заговорить первой она все же не решалась. Ей вспомнился Годолфин с его выпученными глазами, бородавкой на носу и непрестанными заботами о здоровье дражайшей супруги. Интересно, что бы он сказал, увидев ее сейчас в этой каюте наедине со страшным французом?

Страшный француз тем временем продолжал писать, по-прежнему не замечая Дону, стоявшую в дверях. Она вдруг поняла, что делает его непохожим на прочих мужчин: на нем не было модного завитого парика. Он носил волосы так, как было принято несколько лет назад, и это ему необычайно шло, трудно было даже представить его с какой-то другой прической.

Однако чем же это он так увлечен? Пишет и пишет, не поднимая головы, как студент перед экзаменом, хотя мог бы, наверное, и оторваться на минутку. Она потихоньку придвинулась к столу, пытаясь разглядеть, чем он занят, и обнаружила, что он вовсе не пишет, а рисует – быстрыми и точными штрихами зарисовывает цаплю, стоящую на отмели, ту самую цаплю, которую она видела десять минут назад.

Это было уже слишком – Дона буквально оторопела от удивления. Пират, занимающийся рисованием, – такого она не могла себе даже представить. Ее вдруг охватила досада. Почему он не ведет себя как полагается: не кричит, не чертыхается, не размахивает кинжалом, а сидит за столом и делает вид, что не замечает ее?

Неожиданно француз заговорил, по-прежнему не поднимая головы от рисунка. В голосе его слышался легкий иностранный акцент.

– Итак, что вы делали на берегу? Шпионили за моим кораблем?

Дона мгновенно вскипела – как он смеет обвинять ее в шпионстве?!

– Мне кажется, – проговорила она холодно и отчетливо, тем заносчивым тоном, каким иногда разговаривала со слугами, – это я должна спросить у вас, почему вы незаконно вторглись в мои владения.

Француз поднял голову и встал. Он был очень высок, гораздо выше, чем она предполагала. В его темных глазах мелькнул быстрый свет узнавания, он внимательно посмотрел на нее и улыбнулся чуть заметно, как будто про себя.

– Прошу извинить, – проговорил он. – Я не знал, что ко мне пожаловала сама хозяйка усадьбы.

Он подал ей стул. Она села, не говоря ни слова. Он уселся напротив, положил ногу на ногу, откинулся назад и принялся разглядывать ее все с тем же выражением узнавания и тайного удивления на лице.

– Это вы приказали доставить меня на корабль? – спросила она, чувствуя себя неловко под его пристальным взглядом и желая прервать затянувшуюся паузу.

– Да, – ответил он, – я велел задерживать всех, кто приблизится к ручью. До сих пор обходилось без происшествий. Вы оказались смелей, чем местные жители, и, как видите, заплатились за свою смелость. Надеюсь, мои люди не причинили вам вреда?

– Нет, – коротко ответила она.

– Чем же вы в таком случае недовольны?

– Я не привыкла, чтобы со мной так обращались, – ответила она, снова вскипая: ей почудилось, что в его голосе прозвучала насмешка.

– Да? – переспросил он. – И только-то?

От негодования у нее перехватило дыхание. Боже мой, какой наглец! Похоже, ее ярость забавляла его – он сидел, откинувшись на стуле, и, покусывая кончик пера, с улыбкой наблюдал за ней.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросила она.

– Ну вот, наконец-то мы добрались до самого главного, – произнес он, откладывая перо в сторону. – Давайте посмотрим, что говорится на сей счет в пиратском своде законов.

Он открыл ящик стола, достал какую-то книгу и начал медленно и торжественно ее перелистывать.

– Так... пленники... поимка... допрос... содержание под стражей... – громко читал он. – Хм, все это, конечно, очень интересно, но относится, к сожалению, только к пленникам мужского пола. Я как-то совсем упустил из виду, что среди пленников могут попадаться и женщины. Непростительная оплошность!

Ей снова припомнился Годолфин и его предостерегающая фраза: «Не забывайте, что мы имеем дело с французом. Рано или поздно он обязательно совершит какую-нибудь подлость». Несмотря на все свое раздражение, она не удержалась от улыбки.

– Вот так-то лучше, – прервав ее размышления, произнес француз. – Злость вам не идет. Теперь вы больше похожи на себя.

– Разве вы меня знаете? – удивилась она.

– Кто же не знает леди Сент-Колам? – с усмешкой ответил он, покачиваясь на стуле. – Очаровательную леди Сент-Колам, устраивающую кутежи в лондонских тавернах вместе с приятелями своего мужа? Даже мне известно о ваших похождениях.

Она почувствовала, что заливается краской, – его ирония, его спокойное презрение больно задела ее.

– С кутежами покончено, – проговорила она.

– Неужели? – спросил он. – И на сколько же – на неделю, на месяц?

– Навсегда, – ответила она.

Он снова взялся за перо и, тихонько насвистывая, принялся прорисовывать фон.

– Я вам не верю, – сказал он. – Через несколько дней Нэврон вам надоест, и вы снова будете с тоской вспоминать звуки и запахи Лондона, а на сегодняшнее свое настроение смотреть как на минутную слабость.

– Нет, – возразила она.

Он молча продолжал рисовать. Дона с интересом следила за ним. Рисунок получался на редкость удачным, и она на минуту забыла, что перед ней ее похититель, которого ей полагается ненавидеть.

– Я видела эту цаплю, – сказала она. – Совсем недавно, по дороге сюда. Она стояла на отмели, у истока ручья.

– Да, – ответил он, – она всегда прилетает к ручью во время отлива. Здесь для нее много корма. А гнездится она чуть выше по течению, рядом с Гвиком. Ну а кого еще вы видели?

– Сорочая, – ответила она. – И какую-то другую птицу, кажется кроншнепа.

– Верно, – подтвердил он, – они оба здесь водятся. Должно быть, их спугнул стук молотков?

– Да, – ответила она.

Он продолжал рисовать, тихонько насвистывая, а она смотрела на него и думала о том, как легко и приятно ей сидеть рядом с ним в этой каюте, на этом корабле, слушать журчание воды за кормой, любоваться солнечным светом, льющимся в окна. Все это было похоже на странный, диковинный сон, неожиданно сделавшийся явью, на пьесу, в которой ей доверили играть главную роль. И вот зрители собрались, занавес поднялся, и кто-то тихо шепнул за спиной: «Пора. Твой выход».

– По вечерам здесь можно услышать козодоев, – проговорил он. – Они гнездятся на холмах в верхьях ручья. Но подобраться к ним довольно сложно: козодой – пугливые птицы.

– Да, – проговорила она.

– Я люблю этот ручей, – сказал он, быстро взглянув на нее и снова опуская глаза на рисунок. – Это мое убежище. Я приплываю сюда, чтобы отдохнуть. А когда безделье начинает затягивать, бросаю все и снова уйду в море.

– Чтобы грабить и обирать моих соотечественников? – спросила она.

– Совершенно верно: чтобы грабить и обирать ваших соотечественников, – подтвердил он. Затем отодвинул законченный рисунок, встал и потянулся.

– Когда-нибудь вас поймают, – проговорила она.

– Возможно...

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно.

– Идите сюда, – позвал он.

Дона поднялась и, подойдя к окну, выглянула из-за его плеча: внизу, у самого борта, качались на волнах полчища чаек, ожидая подачки.

– Они всегда прилетают сюда с побережья, – сказал он, – как будто заранее знают о нашем прибытии. Мои матросы любят их кормить. Я и сам частенько кидаю им крошки из этого окна.

Он улыбнулся, разломил кусок хлеба и швырнул его птицам, которые тут же с шумом и криком набросились на добычу.

– Наверное, они испытывают к кораблю родственные чувства, – заметил француз, – его ведь тоже зовут «Ла Муэтт».

– Ах да, конечно! – воскликнула Дона. – *La mouette* – чайка, как же я забыла?

И оба, высунувшись из окна, снова стали смотреть на птиц.

«Боже мой, – думала Дона, – неужели все это происходит на самом деле? Где же мои прежние страхи, сомнения, опасения? Почему я стою здесь и как ни в чем не бывало кормлю крошками чаек, вместо того чтобы лежать с кляпом во рту где-нибудь в темном трюме, избитой, связанной по рукам и ногам? Да что там говорить, я, кажется, даже перестала на него сердиться».

– Почему вы сделались пиратом? – спросила она, нарушая молчание.

– А почему вы любите скакать на норовистых лошадях? – в свою очередь спросил он.

– Из-за риска, из-за скорости, – ответила она, – а еще потому, что можно упасть.

– Вот поэтому и я сделался пиратом, – ответил он.

– Но... – начала она.

– Да нет здесь никаких «но», – прервал он. – Все очень просто. Гораздо проще, чем вы думаете. Я вовсе не испытываю ненависти к обществу и не собираюсь ни с кем бороться. Пиратство привлекает меня само по себе. И не потому, что я так уж жесток или кровожаден. Мне нравится готовиться к операциям, долго и тщательно обдумывать каждую деталь, вывешивая все до мелочей и ничего не оставляя на волю случая. В чем-то это напоминает решение сложной геометрической задачи – здесь тоже требуется смекалка. Ну а кроме того, это просто очень интересное занятие – опасное, азартное и захватывающее.

– Да, – протянула она, – я понимаю.

– Я вижу, вы немного удивлены, – с улыбкой взглянув на нее, произнес он. – Очевидно, вы ожидали встретить здесь пьяного головореза, валяющегося на залитом кровью полу среди кинжалов и пивных бутылок, в окружении дюжины стенающих жертв?

Она тоже улыбнулась, но ничего не ответила.

В дверь неожиданно постучали. Француз крикнул: «Войдите!» – и на пороге появился матрос с подносом в руках. На подносе стояла огромная супница, от нее шел густой, аппетитный пар. Матрос расстелил на дальнем конце стола белую салфетку, открыл стенной шкафчик и вытащил бутылку вина. Дона не отрываясь следила за каждым его движением. Ей давно уже хотелось есть, от запаха супа у нее просто слюнки потекли. Вино в высокой бутылке казалось таким прохладным и вкусным! Она подняла голову и встретилась со смеющимся взглядом француза.

– Хотите попробовать? – спросил он.

Она кивнула, досадуя на себя, – неужели по ее лицу так просто обо всем догадаться? Он достал из шкафчика вторую тарелку, ложку и бокал. Придвинул к столу два стула. Она увидела, что матрос принес также свежий французский хлеб с золотистой, поджаристой корочкой и несколько кусков очень желтого масла.

Они молча приступили к еде. Через некоторое время он разлил по бокалам вино – холодное, прозрачное и не слишком сладкое. Дону не оставляло ощущение, что все это происходит во сне – знакомом, мирном сне, который она уже видела однажды.

«Все это было, – думала она, – все это я уже переживала когда-то». Но в глубине души она понимала, что впечатление это обманчиво, – она никогда не видела ни этого корабля, ни этого человека. Она вдруг спохватилась, что не знает, который час. Наверное, дети уже вернулись с пикника и Пру укладывает их спать. Может быть, именно сейчас они стучатся в дверь ее спальни, зовут ее, а им никто не отвечает. «Ну и пусть, – думала она, – пусть, теперь уже все равно». И продолжала пить вино, разглядывать птиц на стенах и украдкой изучать своего соседа, когда он на нее не смотрел.

А он тем временем протянул руку, достал с полки табакерку и высыпал на ладонь горсть табака. Листья были сухие, мелкие и темные. Внезапная догадка молнией промелькнула в ее голове. Она вспомнила табакерку, забытую кем-то у нее в спальне, томик французских стихов с рисунком чайки на титульном листе, Уильяма, крадущегося к лесу, и его рассказы о бывшем хозяине, который любит путешествовать и считает свою жизнь непрерывным бегством. Она встала, не спуская с него глаз.

– Боже мой! – вырвалось у нее.

Он поднял голову:

– Что такое?

– Значит, это вы, – воскликнула она, – это вы оставили у меня в спальне табакерку и томик Ронсара! Это вы бесцеремонно оккупировали мою кровать!

Он улыбнулся, – наверное, последняя фраза показалась ему забавной, а может быть, его насмешила горячность, с которой она ее произнесла.

– В самом деле? – спросил он. – Я оставил у вас табакерку? Ей-богу, не помню. Надо будет побранить Уильяма за рассеянность – он должен был ее убрать.

– Да-да, – продолжала она, – теперь я понимаю. Это вы приказали Уильяму поселиться в Нэвроне и уволить слуг, чтобы никто не мешал вам спокойно жить там все то время, пока мы оставались в Лондоне.

– Ну что вы, – возразил он, – я жил там далеко не все время – только когда это отвечало моим планам. Ну и еще зимой, конечно. Зимой в ручье, знаете ли, становится довольно неуютно, не то что в вашей спальне. Но поверьте, я ни за что не осмелился бы войти туда, если бы не был уверен, что вы не станете возражать.

Он посмотрел на нее, и в глазах его снова блеснул тайный огонек узнавания.

– Я каждый раз спрашивал разрешения у вашего портрета. «Миледи, – говорил я, стараясь быть как можно более вежливым, – миледи, не разрешите ли вы уставшему и измученному иностранцу расположиться на вашей кровати?» И вы милостиво кивали мне в ответ, а иногда даже дарили улыбку.

– Все равно, – сказала Дона, – вы вели себя дерзко и бесцеремонно.

– Согласен, – ответил он.

– Кроме того, вы рисковали своей головой.

– По-моему, риск был оправдан.

– Ах, если бы я только могла предположить...

– И что бы вы сделали?

– Я тут же приехала бы в Нэврон.

– А потом?

– Заперла бы дом, прогнала бы Уильяма и расставила всюду часовых.

– Неужели вы так суровы?

– Представьте себе.

– Я вам не верю.

– Почему?

– Потому что ваш портрет говорит о другом. Когда я смотрел на него, лежа в вашей кровати, я видел, что вы поступили бы совсем не так.

– А как?

– Вы сделали бы все наоборот.

– То есть?

– Вы перешли бы на мою сторону, поставили бы свою подпись рядом с нашими и стали единственной женщиной, присягнувшей на верность нашему делу.

Проговорив это, он поднялся, достал из шкафа какую-то книгу и раскрыл ее. В верхней части листа стояла надпись: «Ла Муэтт», а под ней длинный список имен: Эдмон Вакье, Жюль Тома, Пьер Блан, Люк Дюмон и многие, многие другие. Он взял перо, обмакнул его в чернила и протянул ей.

– Ну что? – спросил он. – Согласны?

Она подержала перо в руке, словно взвешивая ответ, и – то ли оттого, что ей снова вспомнился Гарри, позевывающий над картами, и Годолфин с его выпученными глазами, то ли оттого, что ее разморило после сытного обеда и она почувствовала себя легко и беспечно, как бабочка, порхающая на солнце, а может быть, просто оттого, что он стоял рядом, – так или иначе, она вдруг взглянула на него, рассмеялась и быстро черкнула в центре листа, под другими именами: «Дона Сент-Колам».

– А теперь вам пора идти, – сказал он, – а то дети начнут вас искать.

– Да, – кивнула она.

Они вышли из каюты и поднялись на палубу. Там он остановился и, перевесившись через перила, крикнул что-то на бретонском наречии матросам, работавшим внизу.

– Я хочу представить вас команде, – объяснил он ей. Затем отдал еще какой-то приказ, и через минуту все матросы выстроились на палубе, с любопытством поглядывая на нее. – Я скажу им, что отныне вы можете беспрепятственно приближаться к ручью. Ручей теперь ваш. И корабль тоже. С этого мгновения вы полноправный член нашей команды.

Он обратился к матросам. Они молча выслушали его, а потом стали по очереди подходить к ней и почтительно целовать руку. А она смеялась и благодарила их, а в голове ее вертелась одна и та же мысль: «Это всего лишь сон, безумный, фантастический летний сон». Внизу на воде уже ждала лодка с одним из матросов. Дона перебралась через перила и начала спускаться по трапу. Француз не помогал ей. Он стоял наверху и смотрел, как она спускается.

– Вы не передумали? – крикнул он ей вдогонку. – Вы по-прежнему хотите запереть Нэврон и уволить Уильяма?

– Уже не хочу, – ответила она.

– В таком случае я считаю своим долгом нанести вам ответный визит.

– Буду очень рада, – сказала она.

– Когда мне прийти? Скажем, после обеда, часа в три – вас устроит? Надеюсь, вы напоите меня чаем?

Она посмотрела на него, рассмеялась и покачала головой:

– Нет, вы ведь не лорд Годолфин. Пираты не являются к дамам среди бела дня. Им полагается приходить ночью, тайком, оповещая о себе стуком в окно. Чтобы перепуганная хозяйка, затеплив свечу, усадила гостя за стол и накормила остатками ужина.

– Ну что ж, – сказал он, – тогда завтра в десять.

- Идет, – ответила она.
- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Дона переправилась через ручей и вышла на берег, а француз все стоял на палубе и смотрел ей вслед. Солнце спряталось за деревьями, ручей погрузился во тьму. Отлив закончился; вода отступила с отмелей и замерла, спокойная и неподвижная. Где-то в стороне, за излучиной, коротко прокричал кроншнеп. Дона взглянула на корабль. Яркий, пестрый, с необычными наклонными мачтами, он казался сейчас далеким и нереальным. Она повернулась и торопливо двинулась к дому, виновато улыбаясь на ходу, словно ребенок, напроказивший тайком от взрослых.

7

Выйдя на лужайку, она увидела, что Уильям стоит у окна гостиной, делая вид, что протирает его, а на самом деле высматривая, откуда она придет. Она решила не объявлять ему обо всем сразу, а для начала немного подразнить. Переступив порог гостиной, она остановилась и, вертя в руках косынку, проговорила:

– Уф, я отлично прогулялась, голова совсем не болит.

– Я заметил, миледи, – ответил он, пристально глядя на нее.

– У реки сегодня так хорошо: тихо, прохладно.

– Да, миледи.

– Представь себе, там, оказывается, есть ручей. Удивительное место: уединенное, таинственное – идеальное убежище для тех, кто хочет скрыться от посторонних взглядов... как я, например.

– Да, миледи.

– Ну а ты как съездил? Застал лорда Годолфина?

– Нет, миледи, его светлости не было дома. Я оставил цветы у лакея и попросил передать их миледи Годолфин.

– Спасибо, – сказала она. Затем помолчала, притворяясь, что поправляет ветки сирени в вазе, и добавила: – Да, Уильям, пока я не забыла: завтра вечером я жду гостей. Ужин лучше перенести на десять.

– Слушаюсь, миледи. На сколько человек прикажете накрывать?

– На двоих. Нас будет только двое – я и еще один господин.

– Хорошо, миледи.

– Гость придет пешком, поэтому скажи груму, чтобы запер конюшню и ложился спать.

– Слушаюсь, миледи.

– И вот еще что, Уильям... Ты умеешь готовить?

– Когда-то у меня это неплохо получалось, миледи.

– В таком случае приготовь завтра ужин для меня и моего гостя.

– Хорошо, миледи.

– Слуг можешь отпустить. Им совсем необязательно знать, что я буду ужинать не одна.

– Понимаю, миледи.

– Как видишь, Уильям, я тоже способна на безрассудные поступки.

– Вижу, миледи.

– Тебя это шокирует?

– Нисколько, миледи.

– Вот как? Почему же?

– Ни вы, ни мой хозяин ничем не можете шокировать меня, миледи.

Дона расхохоталась, прижав руки к груди.

– О, Уильям, значит, ты обо всем догадался? Но как? Чем я себя выдала?

– Походкой, миледи. Как только вы вошли в комнату, я сразу понял, что что-то случилось. Да и глаза у вас, с позволения сказать, стали совсем другие: живые, веселые. А когда я увидел, что вы к тому же пришли со стороны реки, я мигом сообразил, в чем дело, и сказал себе: «Ну вот, наконец-то они встретились».

– Почему «наконец-то»?

– Потому что я верю в судьбу, миледи. Рано или поздно она должна была свести вас с моим хозяином.

– Несмотря на то что я почтенная замужняя дама, мать двоих детей, а твой хозяин – француз и опасный преступник?

– Да, миледи, несмотря на это.

– Но ведь это грех, Уильям, страшный грех. Я предаю интересы своей страны. Меня могут посадить в тюрьму.

– Конечно могут, миледи.

На этот раз он не скрывал улыбки, губы его задрожали от смеха, и она поняла, что он больше не будет держаться с ней холодно и отстраненно, отныне он ее друг, верный, преданный друг, на которого всегда можно положиться.

– А ты разделяешь убеждения своего хозяина, Уильям? – спросила она.

– Я слуга, миледи, – ответил он, – и мне достаточно того, что мой хозяин считает их правильными. Корабль – это его королевство. Там он волен делать все, что захочет, и никто не посмеет ему запретить. Он сам себе господин и сам себе судья.

– Но разве обязательно быть пиратом, чтобы чувствовать себя свободным и поступать, как хочешь?

– Мой хозяин считает, что да, миледи. Он убежден, что человек, живущий обычной, размеренной жизнью, быстро становится рабом собственных привычек, делается вялым, тупым и бездеятельным. Таким, как все, одним из многих. В то время как пират – вечный бунтарь, вечный изгнанник – всегда противостоит миру. Он свободен и беспечен, и никакие людские законы не могут его удержать.

– Или помешать ему быть самим собой, – тихо добавила она.

– Совершенно верно, миледи.

– А твоего хозяина не смущает, что пиратство – это зло, что грабить людей – преступление?

– Поверьте, миледи, он грабит только тех, кого грех не ограбить. Да и добычу свою, как правило, раздает беднякам. Многие бедные семьи Бретани считают его своим благодетелем. Так что и в этом смысле совесть его совершенно чиста.

– Он, очевидно, не женат?

– Нет, миледи. Супружеская жизнь не для пирата.

– А если его жена тоже будет любить море?

– Вы забываете, миледи, что природа уготовила женщине быть не только женой, но и матерью.

– Да, ты прав.

– Стоит женщине обзавестись ребенком, как она сразу же становится домоседкой. Кочевая жизнь ее больше не устраивает. И мужчине приходится выбирать: или сидеть дома, изнывая от скуки, или бродяжничать, страдая от тоски. В любом случае это уже не пират. Нет, миледи, если мужчина хочет сохранить свободу, он должен выходить в море один.

– Твой хозяин тоже так считает?

– Да, миледи.

– Как жаль, что я не мужчина.

– Почему, миледи?

– Я тоже хотела бы найти свой корабль, на котором можно уплыть в море и забыть обо всем.

Не успела она закончить, как сверху послышался громкий детский плач и ворчливые уговоры Пру. Дона улыбнулась и покачала головой:

– Твой хозяин прав, Уильям: все мы рабы своих привычек, в особенности матери. Только пираты и могут быть свободными в этом мире.

И, проговорив это, она отправилась наверх, чтобы утешить и приласкать своих детей. Вечером, улегшись в кровать, она вынула из ящика томик Ронсара и стала перелистывать его, пытаясь представить, как несколько дней назад француз лежал на этой же кровати и, зажав в зубах трубку, откинувшись на подушку, читал эту же книгу. Должно быть, устав от чтения,

он, так же как и она, отложил книгу в сторону и задул свечу, собираясь уснуть. «Интересно, – думала она, – спит ли он сейчас в своей тихой, прохладной каюте, где за стеной чуть слышно плещет вода, или лежит, как и я, закинув руки за голову, смотрит в темноту и размышляет о будущем?»

Проснувшись на следующее утро, она первым делом подбежала к окну. Небо было пронзительно ясным и чистым, как всегда при восточном ветре. Солнечный луч скользнул по ее лицу, и она подумала о корабле. Ей представилось, как он стоит в тихой, спокойной заводи, со всех сторон защищенной деревьями, отделенной широкой равниной от главного русла, по которому начавшийся прилив гонит беспокойную мелкую рябь, и от пенной полосы прибоя, где высокие валы, вскипая, обрушиваются на берег и рассыпаются мириадами брызг.

Она вспомнила о предстоящем ужине и улыбнулась – взволнованно и виновато, как заговорщица. Весь сегодняшний день представлялся ей прелюдией, предвкушением того, что должно произойти вечером. Размышляя об этом, она отправилась в сад, чтобы нарезать свежих цветов, хотя те, что стояли в комнате, еще не успели увянуть.

Она любила срезать цветы, это мирное занятие отвлекало и успокаивало ее. И сейчас, перебирая длинные стебли, глядя нежные лепестки, укладывая цветы в корзину и расставляя их затем в вазы, приготовленные Уильямом, она чувствовала, как напряжение ее постепенно спадает, а тревога рассеивается. У Уильяма тоже был заговорщицкий вид. Начищая серебро в столовой, он поднял голову и многозначительно посмотрел на нее – ему было приятно, что она знает, для кого он так старается.

– Достань все серебро, Уильям, и зажги все свечи, – сказала она. – Я хочу, чтобы гость по достоинству оценил Нэврон. И не забудь поставить на стол сервиз с розами, который приберегают для самых торжественных случаев.

Ее вдруг охватило безудержное веселье. Она сама принесла сервиз, перемыла тарелки, покрывшиеся толстым слоем пыли, и украсила стол букетом только что срезанных полураспустившихся роз. Потом они спустились в подвал, и Уильям, осмотрев затянутые паутиной бутылки, совершенно неожиданно обнаружил любимое вино своего хозяина. Они обменивались таинственными улыбками, перешептывались, словно два заговорщика, и это доставляло ей удивительную, преступную радость, какую, наверное, испытывает ребенок, напраказивший тайком от родителей и тихонько посмеивающийся в уголке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.